

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 22

16 июня 1928 г.

№ 22

Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР

Доклад тов. Н. В. Крыленко на заседании Коллегии Н. К. Ю. 24/V 1928 года¹⁾.

Вопрос, который я здесь ставлю, поднимался уже мной в печати, но впервые я его ставлю сейчас официально в Коллегии Наркомюста. Первая постановка вопроса о коренной переработке самой системы уголовной политики в смысле отказа от тех основных положений, на которых основан ныне действующий Уголовный Кодекс, была сделана журналом «Революция Права», где-то чуть ли не в библиографическом отделе, где я натолкнулся на мысль о том, что пора поставить этот вопрос более широко и поставить его прежде всего на теоретическую почву.

В частности, одним из обстоятельств, которое окончательно толкнуло меня на постановку вопроса о явной неудовлетворительности нашей уголовной политики и системы построения нашего Уголовного Кодекса, была именно эта библиографическая заметка. Эту неудовлетворительность нашей уголовной политики и нынешнего построения нашего Уголовного Кодекса, поскольку она уже выявилась на практике, сознают и чувствуют, однако, уже давно почти все. Я знаю только одного товарища, который в печати принципиально защищал нынешнюю систему Уголовного Кодекса. Это тов. Солыц, который выступил с тем, что основой уголовной политики и определения репрессии должен быть принцип «соответствия» меры репрессии содеянному. Не думаю, что он продумал, однако, сам все свои аргументы последовательно и до конца. Между тем, этот принцип по существу лежит и сейчас в основе нашего теперешнего Кодекса.

В чем же основной теоретический и практический дефект и принципиальная невязка действующей системы? Как построена эта действующая система нашего Угол. Кодекса? Наш Уголовный Кодекс содержит, с одной стороны, изложение общей части, содержащей в себе общие принципы применения уголовной репрессии, которыми суд обязан руководствоваться при разрешении любого дела о любом преступлении, рассматривая с точки зрения этих принципов каждое преступление, оценивая конкретную обстановку, конкретно данную личность, ее индивидуальные качества; с другой стороны, наш кодекс содержит т. н. «особенную часть», куда суд обязан по нынешней системе заглядывать, чтобы узнать, что надлежит «дать» за то, что данное лицо «содеяло».

Таково построение нашего Уголовного Кодекса: общая часть излагает общие начала применения уголовной политики, а особенная часть перечисляет отдельные преступные действия, признаки этих преступлений и опре-

деляет в так называемых «карательных санкциях», что за это полагается. При чем отличием, которое характеризует наш Уголовный Кодекс, отличием от других является лишь то, что у нас суду дана все-таки достаточно широкая свобода судейского усмотрения.

В отличие от других Кодексов в нашем Уголовном Кодексе суду даны для руководства лишь два основных принципа—принцип «не ниже» такого-то предела и принцип «до» такого-то предела, и в этих пределах суд варьирует затем меру репрессии по своему усмотрению.

Так построен сейчас наш Уголовный Кодекс. Когда мне приходилось работать над собиранием материалов по истории возникновения нашего Уголовного Кодекса и по истории развития основных идей нашей уголовной политики, мне пришлось констатировать, что применение принципа «не ниже» исторически зародилось почти с первых шагов практической законодательной деятельности Советской власти. Достаточно вспомнить закон о взятках, датирующийся чуть ли не маем 1918 года, или закон от августа 1918 года о колокольном звоне, содержавших постановление Совета Народных Комиссаров, что за эти преступления (взятка и призыв к восстанию набатным звоном) должен быть установлен обязательный для суда минимум назначаемой репрессии «не ниже пяти лет», и т. д. Но принцип «до» установлен только в 1922 году.

Так исторически возникли оба эти принципа, но это не мешает нам поставить другой вопрос,—насколько теоретически, с точки зрения марксистского понимания, революционного марксизма, вообще могут быть оправданы оба эти принципа?

Я не нахожу оправдания ни для одного, ни для другого. Когда меня спросят, как можно оправдать, с точки зрения марксистских воззрений на общество, марксистских воззрений на преступление, на преступника, на тюрьму, с точки зрения марксистского понимания задач и методов борьбы с преступностью, как можно оправдать эти оба принципа, я должен буду сказать, что не нахожу ни одного теоретического аргумента, которым можно было бы оправдать эти принципы.

Последнее заставило меня обратиться к вопросу относительно раскрытия обстоятельств, выясняющих историческое возникновение обоих этих принципов или, вернее, того, как исторически возникла вся система применения нашей уголовной политики, действующая сейчас у нас. Здесь приходится констатировать прежде всего следующие факты.

Если мы в истории уголовно-правовой мысли оказались к моменту Октябрьской революции в достаточной степени теоретически бедными в смысле наличия у нас продуманных попыток теоретического обоснования, марксистского обоснования наших правовых теорий, то принцип аптекарского отмеривания репрессии за определен-

¹⁾ В заседании 24 мая с. г. Коллегия НКЮ постановила опубликовать доклад т. Крыленко об основных принципах переработки УК в юридической и общей печати с целью привлечения к обсуждению их широких масс трудящихся. К практической постановке этого вопроса Коллегия решила вернуться по выявлении результатов этого обсуждения. Редакция.

ные преступления, согласно соответственным указаниям гос. власти, являлся уже общим для всех буржуазных кодексов; я не знаю ни одной страны, я не знаю ни одного буржуазного кодекса, где этот принцип не господствовал бы и не проводился¹⁾. Это заставляет поставить другой, обязательный для всякого марксиста, вопрос о том, какие причины исторического характера привели к такому повсеместному господству этого принципа, что за такое-то преступление следует дать именно столько-то. Я думаю, что можно дать ответ и на этот вопрос. По существу это есть не что иное, как отражение в уголовной политике идеи эквивалентности товаров друг другу, свойственной обществу, основанному на товарообороте—отражение в форме принципа, что, равным образом, за соответствующее преступление надлежит отпустить такую-то дозу, такую-то порцию репрессии. В объяснение этого принципа существуют различные школы, различные построения в теории буржуазного уголовного права; в свое время была теория справедливого возмездия, теория вины, теория наказания. Наиболее либеральная передовая буржуазная школа Ферри объявила было войну этим теориям, даже изъела термины «вина» и «наказание», дошла даже до постановки вопроса, нельзя ли отказаться целиком от этого принципа, нельзя ли отбросить его, как исторический хлам, и поставить вопрос о подходе к каждому преступлению с точки зрения рациональной защиты интересов целого, защиты общества. Но эта идея в буржуазном праве не была последовательно доведена до конца, и принципа «соответствия репрессий» школа Ферри не тронула. В нашем Уголовном Кодексе эту идею мы тоже восприняли, мы изъели в 1924 году термины «наказание», «вина» из нашего уголовного права, поставили перед нашей уголовной политикой в качестве основных только две задачи, первую—обезопасение общества и пролетарского государства, как от классовых врагов, так и от неустойчивых элементов, разрушающих, дезорганизующих социалистическое строительство, из среды трудящихся — и вторую задачу—исправление этих неустойчивых элементов. Вот основные руководящие цели, руководящие задачи нашего Уголовного Кодекса, нашего права. И равным образом, мы также не довели дело до конца.

Ибо спрашивается: для того, чтобы обезопасить общество, скажем, от классового врага или неустойчивых элементов из среды трудящихся, разве для этого обязательно должно предусказать, что за квалифицированную кражу нужно «дать столько-то», а за неквалифицированную кражу «столько-то». Как можно эти две идеи связать? Связи между ними никакой нет.

Если задача уголовной политики—обезопасить общество, пролетарское государство от «вредителей», выражаясь модным языком, то вытекает ли отсюда, что за то или другое преступление нужно засадить именно на два года, а не на три, или не на пять, или не на год? Эти две

идеи все же никак не увязываются, а что общего они имеют с марксистским пониманием общества и преступления—об этом скажем ниже.

Еще хуже обстоит с идеей исправления. Если мы ставим себе задачей исправить преступника, то спрашивается, почему в отношении одного преступника можно сказать наперед, что его можно исправить в два года, а другого—в пять лет? Никакой логики в такой постановке вопроса нет, и такая постановка не вяжется с теми основными принципами, на которых построен наш Угол. Код.

Таковы теоретические невязки, которые сразу бросаются в глаза при первой же попытке подойти к системе нашей уголовной политики методом не только марксистского анализа, но прямо простой логики. Методами той же логики приходили, как мы сказали выше, к сознанию неудовлетворительности действующей системы и наиболее передовые из буржуазных теоретиков уголовного права. Но с точки зрения марксизма и марксистских воззрений на общество, эта система не выдерживает критики уже совершенно. Основной принцип марксизма, рассматривающего общество как совокупность различных классов, рассматривающего всякую систему репрессии как орудие господства и принуждения, при помощи которого действует один класс в отношении другого, не может мириться ни с теорией «вины» и «наказания», ибо не за что наказывать классовых врагов, ни с теорией исправления, поскольку исправлять классовых врагов, равным образом, не имеет никакого смысла. Что же касается задач уголовной политики в отношении представителей своего же класса, то, с точки зрения марксизма, равным образом, нелепостью является постановка проблемы их исправления путем заключения в тюрьму на те или иные сроки. Плановое воздействие на основы экономики нашего общества, уничтожение классовых противоречий в их корне, устранение основных первопричин, порождающих преступность,—вот методология борьбы, которая в данном случае может явиться для нас единственно приемлемой. Это не значит, конечно, что не следует пока что вовсе бороться с преступностью и не изолировать наиболее опасных преступников, но с этой задачей все же не вяжется ни теория «соответствия меры репрессии содеянному», ни «теория исправления» путем заключения на тот или иной, заранее определенный срок. Мы можем и должны здесь воспринять от передовой буржуазной школы лишь теорию неопределенных приговоров и опыт построения специальных пенитенциарных учреждений, конечно, соответствующим образом перестроенных, согласно нашему пониманию целей и задач социалистического строительства и социалистического воспитания. Задачу устрашения классовых врагов мы могли бы также воспринять как метод воздействия и самозащиты. Однако, как это показано будет ниже, и эта задача, равным образом, не вяжется с принципом «око за око» и алтекарским отвешиванием, сколько «заслужил».

Вот почему приходится сказать, что на деле мы пошли целиком по старой проторенной дорожке буржуазных теорий уголовного права, восприняли их в громаднейшей степени не критически и положили в основу нашей уголовной политики. Почему? Потому, что в нашем сознании, и не только руководящего авангарда, но и в сознании широких масс, этот принцип, что каждому нужно дать именно столько, сколько он заслужил, настолько вкоренился, мы оказались еще настолько связанными в своей идеологии целым рядом нитей с общественными отношениями, основанными на товарообороте, что не поставили себе этого вопроса так, как должны были бы его поставить. Мы восприняли

¹⁾ Правда, Энрико Ферри в одной из своих статей, посвященной в частности разбору нашего Уголовного Кодекса, указывает с торжеством, что от этого принципа якобы отказался в настоящий момент чуть ли не десяток уголовных кодексов различных стран (см. «Право и Жизнь» кн. II—III стр. 33, 1928 г.). Энрико Ферри, однако, устанавливает сам, что здесь имеют место либо только проекты Кодекса, либо эти Кодексы проводят принципы отказа лишь от классической формы применения системы дозирования репрессии в виде точно фиксированных мер репрессии за каждое преступление и корректирования этого аптекарского взвешивания «наказания» системой условных приговоров, досрочного освобождения и т. д. Он сам, однако, не приводит ни одного кодекса, который бы проводил полный и безоговорочный отказ от самого принципа дозирования.

эту теорию без должной марксистской критики и отступили от нее лишь тогда, когда жизнь заставляла вносить в нее те или иные коррективы. Характерными в этом отношении, показательными в смысле бессознательного, ощущу, искания нами новых путей могут служить приговоры пролетарского суда первых лет после революции, когда суд решал: такого-то заключить в концентрационный лагерь «до конца гражданской войны». Вяжется ли это с принципом дозирования репрессий? Никак не вяжется. Политически рациональна ли была такая постановка вопроса? Была рациональна на все сто процентов и целиком отвечала тем практическим задачам, которые тогда должна была преследовать уголовная репрессия, как орудие самозащиты общества от его врагов.

С другой стороны, мы знали период, когда мы жили совсем без кодексов, когда господствовала полная свобода судейского усмотрения, когда приговоры писались, как говорилось, «согласно революционной совести и социалистического правосознания». Принципиально—правильна ли была такая постановка вопроса? Правильна. Правда, и при такой постановке, и при полном господстве свободы судейского усмотрения мы имели приговоры, в которых отражался этот старый буржуазный принцип—соответствия репрессии содеянному, отражался иногда в самой примитивной форме,—я знаю приговор, когда за девять лет службы надзирателем в каторжной тюрьме суд дал 9 лет лишения свободы, и другой случай, когда за 37 пар найденных офицерских погон суд дал 37 лет тюрьмы. Но чем это объяснялось? Тем, что мы не критически восприняли этот старый принцип, и проводя его не ставили под сомнение.

Еще более резко выявилась практическая невязка действующих принципов нашей уголовной политики с задачами нашего строительства, когда мы стали применять ее на практике. Особое значение получает, с этой точки зрения, известная резолюция Совета Народных Комиссаров по докладу Народного Комиссариата Юстиции от июля мес. 1927 г., подведшая итоги применения действующей политики и охарактеризовавшая эти итоги, как явно абсурдные.

К чему свелись эти итоги?—Итоги применения нашей

уголовной политики свелись к тому, что, во-первых, подавляющее большинство обитателей наших домов заключения оказалось принадлежащим к трудящемуся классу, а, во-вторых, 43 с лишним % оказались приговоренными на короткие сроки лишения свободы—до 6 мес. и года. В корне неправильная система построения нашей уголовной политики привела к тому, что лишение свободы мы начали применять за самые маловажные преступления, начали «давать» лишение свободы на месяц, два, три, иной раз на несколько недель. Ни о каком исправительном воздействии в такой срок думать серьезно не приходилось. В то же самое время никакой конкретной практической цели этим, равным образом, не достигалось: тюрьмы переполнялись, освобождались, опять переполнялись; определенный процент трудящегося населения, случайно попавшего в тюрьму, переходил в группу явно деклассирующихся элементов,—и, кроме социального вреда, такая политика ничего не принесла.

В результате практика, жизненная необходимость уже привели к попыткам в той или иной форме отказаться от проведения этого принципа, привели нас фактически к установлению института неопределенных приговоров. К этому и сводилась работа наблюдательных комиссий, распределительных комиссий при тюрьмах? Они сплошь и рядом изменяют судебные приговоры, и не даром мы слышим постоянно жалобы на нереальность наших судебных приговоров. По сути дела, мы уже пришли к необходимости установления института неопределенных приговоров с соответствующей реформой пенитенциарных учреждений, которые сами могли бы варьировать формы воздействия на преступника в тюрьме, в зависимости от поведения и от личности преступника. Таковы были итоги практики.

Вот почему пришла пора поставить общий вопрос о том, должны или не должны мы покончить с этим наследием буржуазной теории уголовного права, буржуазной практики в уголовной политике, и поставить вопрос—на каких началах мы должны построить свой пролетарский Уголовный Кодекс.

Я думаю, что от такой задачи мы сейчас не можем, не вправе отказаться.

Н. Крыленко.

(Окончание следует)

Очередные задачи в области работы административных органов

доклад Народн. Комиссара Внутр. Дел РСФСР т. Толмачева на II Всероссийск. съезде административных работников (Окончание 1).

Общие недочеты в работе уголовного розыска

Позвольте перейти к угрозыску. Все то, что я говорил о милиции, в очень значительной степени может быть распространено на органы уголовного розыска. Здесь недостатки особенно остро чувствуются. Если у нас мало численна милиция, то органы угрозыска совсем малочисленны. У нас очень редкая сеть угрозыска. Если малая подготовленность дает себя знать в работе милиции, то эта малая подготовленность в работе угрозыска, требующей больших знаний, выходящих за пределы технических знаний и переходящих в знания научного характера, чувствуется с еще большей силой. Если в милиции мы имеем некоторый отрыв от общественности, некоторую ведомственную замкнутость, то в органах угрозыска это проявляется с большей очевидностью. Самый род их деятельности требует определенной замкнутости, которая зачастую переходит за пределы должного, работа здесь требует особой конспирации и секретности, которая также зачастую переходит за пределы необходимости.

Все это ведет и к отрыву от общественности, и этот отрыв органов угрозыска нужно считать большим.

Недостаток материальных средств, малая подготовленность ведут к тому, что охват объектов получается неполный. У нас, как правило, деревня почти не обслуживается угрозыском, а деревня нуждается в этом обслуживании. Если кража сапог, кража шинели, пальто, швейной машинки у рабочего наносит ему известный ущерб, то в деревне кража зачастую обозначает крушение всего хозяйства, вышибание из-под ног хозяйственной базы. Кража скота, кража лошади, особенно приуроченная к определенному периоду, знаменует для хозяйства развал его, превращение крестьянина в нищего, и, таким образом, недостаточная работа угрозыска в деревне чувствуется очень остро и должна быть хорошо поставлена. А между тем надлежащего обслуживания деревни почти нет.

¹⁾ См. №№ 20 и 21 «Е. С. Ю.».

Я не хочу обвинять ни одного из работников угрозыска в том, что они этого не делают. Это объясняется теми условиями, о которых я докладывал. Но здесь мы имеем факт, мимо которого пройти нельзя, с ним нужно как-то считаться. В городе работа угрозыска также, по необходимости, направлена на более или менее значительные и крупные объекты: подлоги в банках, в обществе взаимного кредита, кражи в больших магазинах, больших заводах, наконец, пострадавшая от налета большая частная торговля, — все это является объектами обслуживания. Мелочи же не обслуживаются, или обслуживаются в очень слабой степени, а это как раз — непосредственные интересы бедноты, которую мы должны обслуживать. Опять-таки винить кого бы то ни было совершенно не приходится. У нас настолько небольшая сеть, настолько небольшие средства, что дай бог управиться с крупными, а с мелочами управиться мы не можем.

Думаю, что при мероприятиях, которые мы можем провести в пределах существующих средств, нужно все-таки обслуживание деревни, обслуживание городской бедноты, рабочего класса и мелких служащих поставить в максимально возможной степени.

Уголовный розыск и общественность.

Я уже говорил, товарищи, что у вас отрыв от общественности в органах угрозыска значительно больше, чем в милиции. И здесь нужно коснуться некоторых внутренних болезненных явлений, которые мы наблюдаем в угрозыске.

Дело в том, что по части милиции и угрозыска мы добывали опыт своим собственным лбом, своими собственными руками; методами старого наследства мы в советских условиях пользоваться не можем. Но это старое наследство тяготеет над нами, просачивается к нам тем больше, чем меньше мы успеваем своими собственными руками. И вот пужно сказать, что зачастую у нас органы угрозыска в своей оперативной работе продолжают ориентироваться не столько на советскую общественность и на рабочий класс, не столько даже на обывателя, сколько на уголовный мир, из которого черпаются определенные сведения. Это совершенно невозможная вещь. Советская общественность и просто каждый гражданин заинтересованы в том, чтобы не быть обокраденным, и чтобы не подвергнуться насилию со стороны преступных элементов. Каждый в этом заинтересован, и, если мы сумеем эту заинтересованность направить в русло нашей работы, мы с этой стороны будем иметь огромное содействие, огромнейшую поддержку. Уменьше ее использовать, уменьше направить ее в русло своих мероприятий — вещь не такая простая. Можно захлебнуться и запутаться, но эту задачу нужно поставить, ибо, я полагаю, ориентация на уголовный мир в деле борьбы с уголовным миром — вещь совершенно неправильная. Я готов поступиться большим процентов раскрываемости преступлений, если будет отброшена ориентация на уголовный мир, как правило. Как правило, должна быть взята ориентация на честных граждан.

Я вижу, что работники угрозыска качают головой, работники угрозыска будут против этого возражать, но в советских условиях мы не можем допустить метода сугубо царской, полицейской борьбы с уголовными преступниками. Этого мы допустить не можем.

Мы потребуем от работников уголовного розыска разрыва с уголовным миром. В уставе, с которым я очень

мало знаком, сказано, что работники уголовного розыска обязуются не поддерживать никакой связи с уголовным миром. Выполняется ли это? — Нет, не выполняется. Мы уставы и советские законы пишем не для того, чтобы похвастаться своим благочестием советским, а потому, что этим путем мы можем достигнуть разрешения поставленных нами задач. Все отклонения мы будем всячески осуждать и мы будем требовать точного выполнения наших уставов. Как правило, должна быть ориентация на гражданское население, которое поможет в борьбе с преступностью. Как правило, должен быть отказ от ориентации на уголовный мир в деле борьбы с уголовным миром.

Для того, чтобы добиться каких бы то ни было результатов, нужно населению показать свою работу, а мы ее всячески конспирируем. Мы секретность проводим там, где она не нужна, где в ней нет необходимости, и даже там, где она просто вредна.

Буржуазные правительства неохотно идут вообще на вовлечение масс в управление государством, всячески отрешиваются от таких попыток, но бывают вынуждены все-таки в отдельных случаях прибегать к объявлениям о розыске и о награде за голову преступника. Я думаю, что, как правило, мы можем это делать не за плату, а объявляя широко населению, что такой-то вот Мишка Татарин разыскивается нами, вот его портрет. Пусть это будет в газетах. Пусть напечатают фамилии, и за Мишкой Косым или за Васькой Культиным будут смотреть не несколько сот глаз работников угрозыска, которые прочтут этот секретный бюллетень, а много миллионов глаз трудящихся, заинтересованных в том, чтобы помочь органам угрозыска. Почему этого не сделать?

Ведь распространяются и имеют спрос различного рода детективные романы, не всегда доброкачественные по своему идеологическому содержанию. Спрос на эту детективу есть. Можно было бы эти материалы передать любителям такого рода литературы и пусть они получают это не с налетом буржуазной идеологии, не в исковерканном виде, а пусть получают из наших рук. В этих детективных романах выставляются несуществующие героические фигуры.

Так вот, товарищи, я думаю, что популяризовать каких-то несуществующих людей, Нат Пинкертонов и Шерлоков Холмсов, нам нет никакого смысла. Нам нужно стать на путь популяризации работы угрозыска, а это возможно только тогда, когда о ней будет рассказываться широким массам в печати, будет рассказываться из богатейшего репертуара органов угрозыска. Наиболее интересные вещи надо преподнести, чтобы популяризовать работу угрозыска, популяризовать и его деятельность. Нужно показать не каких-то Пинкертонов, а наших Иванов Петровичей Петровых, показать работу своего советского Пинкертона. А разве нет у нас таких советских Пинкертонов? В каждом уездном городе есть свой Пинкертон, но о нем не знают и говорят о несуществующих лицах, а когда заходит речь о своем угрозыске, то делают кислую мину и машут рукой... Эх, знаем наш угрозыск...

Вот это результат совершенно ненужной, преувеличенной до крайности секретности, конспирации и замкнутости. Это нужно немножко разбить, нужно немощно приподнять занавес, скрывающий от широких масс деятельность угрозыска, направленную исключительно на удовлетворение интересов трудящихся масс. Если за этим занавесом окажутся кое-какие грехи, то, товарищи, этого бояться нечего, легче будет с ними справиться. Здесь работа настолько тяжелая, серьезная и опасная, что не всякий на нее пойдет, очень трудно подобрать работни-

ков, и зачастую приходится мириться с тем, что есть, а отсюда всякого рода искривление, злоупотребление и т. д.

Я говорил, товарищи, что недостаток умения очень часто пополняется силой. Там, где приходится иметь дело с преступниками, там этот недостаток умения очень легко пополняется силой и физическим насилием. Я думаю, что всем вам известны такие случаи, и мы должны решительным образом заявить, что в среде советского угрозыска этому места не может быть. Мы не можем допустить и мысли, не можем допустить ничего похожего на те истязания и пытки, которые имели место в царских застенках. Это как ничто другое дискредитирует нас, это как ничто иное отталкивает от нас здоровые силы, широкие слои трудящегося населения. Это дает непосредственно видимый результат при достижении намеченной цели, но это дает огромнейшие минусы, и, в конечном итоге, мы должны считать это величайшим позором не только для тех работников, кто это применяет, но и для тех организаций, где это случается, и всемерно искоренять это и бороться с этим.

Здесь работа по поднятию квалификации, по учебе, по поднятию культурного уровня должна быть не чем-то второстепенным, а работой первой степени, работой коренного значения. Мы должны поставить себе задачей, чтобы каждый наш милиционер, каждый работник угрозыска прошел через определенную учебу. Думаю, что курсы в объеме школы для младшего командного состава не будут особенно высоким требованием, потому что вообще программа этих учебных заведений не особенно высокого направления. Думаю, что эту задачу мы можем себе поставить. Мы не сможем ее разрешить в ближайшее время, но как задачу мы должны иметь перед собой стремление пропустить всех работников милиции и угрозыска через школы, через курсы, применительно к школам младшего командного состава. Это не даст особенно высокой обученности и высокой квалификации, но придется пока удовлетвориться и этим. Затем нужно шире и глубже развернуть и организовать научную работу, как средство, которое исключает возможность целого ряда искривлений, извращений, как средство,двигающее работу угрозыска не только по пути раскрытия совершенных преступлений, но и предупреждения и предотвращения преступлений, что нужно считать основным для угрозыска.

Мой доклад переваливает на третий час. За три истекшие года это первый доклад, и я не особенно щедро расходую время: по часу на год. Но все же нужно считаться с тем, что товарищи, очевидно, утомились, и я буду всемерно сокращаться, тем более, что те вопросы, которые я должен осветить, достаточно полно освещены в той статье, которая вам роздана и из которой вы ознакомились вчера с существом этих вопросов. Поэтому я ограничусь только самым необходимым, не особенно углубляясь.

Исправительно-трудовая политика.

Несколько слов о нашей исправительно-трудовой политике. Общие задачи я формулировал в своей статье и повторять их не буду. Отмечу только, что эти задачи нельзя считать вполне разрешенными, вполне воплощенными в жизнь. Здесь еще многое нами не сделано, многое оспаривается, и здесь еще за многое приходится вести борьбу не только междуведомственного характера, но и в наших правительственных органах. Сказать, что наша исправительно-трудовая политика вполне соответ-

ствует тем теоретическим установкам, которые отражены в целом ряде правительственных актов, мы еще не можем. И если мы будем говорить о виновных, чего я категорически избегаю и что категорически исключаю из установки моего доклада, если мы все же будем говорить о виновных в том, что практика не вполне соответствует теории, то эти виновные находятся не только внутри органов, проводящих эту политику, но в гораздо большей степени они находятся вне этих органов. Я позволю себе отметить, что в деле проведения исправительно-трудовой политики мы так же, как и во всех других областях, имеем целый ряд достижений, и опять-таки, сравнивая грани итогов десятилетия и начала десятилетия, мы должны прийти к выводу, что разница между ними совершенно очевидна и говорит в пользу того, что к концу десятилетия мы имеем целый ряд крупных достижений и в области исправительно-трудовой политики, и в области реализации этой политики. Однако, нужно отметить и целый ряд дефектов.

Прежде всего, мы имеем большую загруженность наших мест лишения свободы. Размер нагрузки далеко превосходит нормы, установленные для мест заключения. Перегруженность мешает и установлению правильного режима, мешает вообще правильному осуществлению исправительно-трудовой политики. Второй недостаток, общий для всего ведомства, это недостаток средств, что не обеспечивает процветания этого дела, и, наконец, третий недостаток, это слабое развертывание трудовых процессов в домах заключения.

Развертывание трудовых процессов идет все время, и каждый год мы видим кое-что прибавленным к тому, что мы имели в предыдущем году, но все-таки темп развертывания производств в домах заключения недостаточно силен. К настоящему времени, по статистическим отчетам, мы имеем только 40% лиц, из числа всех заключенных, занятых трудовыми процессами. Это очень мало. Это нас ни в коей мере не может удовлетворить. В стране, где высшим законом является закон «не трудящийся, да не ест», мы не можем иметь взрослых людей бездельничающих, поедающих казенный хлеб. Мы должны поставить задачу применения этой свободной рабочей силы целиком и во всех местах лишения свободы.

Эти трудовые процессы являются непрямым условием проведения нашей исправительно-трудовой политики. Мы должны не просто использовать рабочую силу, но и делать так, чтобы использование это было бы сопряжено с определенным производственным эффектом и было бы достигнуто на принципе самоокупаемости домов. Нужно освободить государство от этих совершенно непроизводительных накладных расходов, обусловленных тяжелым наследием целого ряда пережитого старого. Здесь мы должны разработать совершенно точный план, если хотите, коммерческих взаимоотношений, деловых взаимоотношений с нашими финансовыми органами. Мы должны сделать это так, как это делают производственные предприятия. Мы должны потребовать деньги на условиях определенного возмещения. Мы должны рассчитать, какие проценты, где и в каком объеме, с каким промышленным и финансовым результатом мы можем развивать, и, исходя из этого, идти на организацию, погашать полученные средства в порядке их проведения. Может быть, это займет и довольно длительный срок. Второе условие заключается в том, чтобы дать подписку, дать обязательство правительству в том, что к определенному сроку при выполнении этих условий мы обязуемся уйти с государственного и местного бюджета.

Вот в каком совершенно деловом разрезе нужно поставить вопрос о развитии трудовых процессов в наших местах лишения свободы.

Сейчас мы в ряде мест имеем трудовые процессы, которые проходят совершенно нормально, мы имеем целый ряд тюрем (извиняюсь за старую терминологию), где все заключенные работают, где проводится самоокупаемость и есть некоторая прибыль. На этом примере мы можем смело заключить, что самоокупаемость вещь возможная, и поскольку она возможна, нужна встать на путь ее осуществления. Но здесь нужно отметить и имеющиеся недочеты в этом отношении, являющиеся, по-моему, продуктом желания не повторять того, что имело место в старое царское время. Это объясняется тем, что в проведении трудовых процессов у нас есть некоторая реакция, некоторый антитезис, а это влечет и некоторый перегиб в сторону соблюдения различных трудовых, профессиональных и прочих норм в отношении заключенных. Мы видим в некоторых случаях чересчур большую лояльность и большой либерализм. Мы должны взять за основу, что труд для заключенных есть не наказание, а привилегия.

Все, кто сидел в тюрьмах, особенно в старое время, знают, что наиболее тяжелая часть пребывания в тюрьме — это вынужденное безделье. От этого срок наказания кажется длиннее, время идет медленнее и т. д. Всякая возможность чем-нибудь заняться скрашивает дни пребывания в тюрьме. Помню из своей практики, какими крайними мерами нам приходилось бороться за возможность получить волос, чтобы вязать цепочки, с каким трудом мы доставали спицы и нитки, чтобы вязать чулки. Целую тяжелую борьбу приходилось проводить для этого. Это было средством несколько скрасить тяжесть пребывания в тюрьме, и в старой тюрьме возможность заняться трудом рассматривалась как привилегия. Я не говорю о каторжных работах, в которых не столько преследуются производственные цели, сколько желание наказать, измучить этим способом заключенного. Я не говорю об этих работах, а о совершенно новой постановке трудовых процессов, которые не могут не скрашивать пребывание в тюрьме, и поэтому, как правило, мы должны дать установку, что работа в тюрьме — это привилегия.

Исходя из этого, мы не должны особенно увлекаться другими видами привилегий, которые мы довольно щедро раздаем заключенным за хорошую работу. У нас наблюдаются попытки увеличения зарплаты. В огромном, подавляющем большинстве люди сидят в тюрьме за то, что они принесли прямо или косвенно тот или иной материальный ущерб стране. И если рабочий класс участвует в процессе социалистического накопления, то эта публика должна быть привлечена к процессу возмещения тех убытков, которые они принесли стране, или другим способом. Это должно быть вторым основным принципом постановки работы в домах заключения.

Мы не можем делать условия труда в домах заключения лучше, чем условия труда для рабочих. Мы не можем заработок здесь делать выше минимального заработка рабочих на воле. Это было нелепостью. Зарботок заключенного мы можем доводить лишь до пределов, которые необходимы для того, чтобы сохранить продукцию на определенном уровне. Всякое перегибание палки в этом отношении приводит к абсурду и к тому, что тюрьма будет предметом вождения целого ряда людей, положение которых на воле трудно. Мы не должны забывать, проводя нашу исправительно-трудовую политику, что она является и карательной политикой, и что,

осуществляя процессы в домах заключения, их нельзя превращать все же в вольные фабрики и они должны оставаться тюрьмой, должны быть угрозой. Поэтому твердый режим, известная суровость, целый ряд ограничений должны быть. Расхлябанность, которая есть, не является результатом нашей воли, а результатом неумения проводить карательную политику, непонимания, результатом недостатка средств, которые здесь необходимы. Дома заключения должны быть домами заключения, а не гостиницей, не вольной фабрикой.

Я не зову к возврату, к тюрьмам царского времени, к средневековью, к истязаниям и изнурению людей, но мы должны здесь отдать отчет, что тюрьма — это есть метод принудительного воздействия на преступный элемент. Если ты посажен в тюрьму, то сиди и не совершай прогулок в окрестностях этой тюрьмы. Если ты осужден, так ты чувствуй тяжесть этого осуждения, а не только формальный акт наказания. Суровость, реальность приговора должны особенно ощущаться нашим классовым врагом, для которого по преимуществу и предназначены тюрьмы, и только по злой необходимости они используются для трудящихся. Для классового врага тюрьма должна быть повернута всеми своими острыми углами и никакого смягчения допущено быть не должно, тем более, что эти люди являются наиболее способными использовать всякого рода льготы, привилегии и использовать наши недостатки в свою пользу. В этом отношении должна быть определенная, строго плановая, последовательная линия, вытекающая непосредственно из всего характера деятельности советского государства, в частности, из нашей карательной политики.

Товарищи, необходимо также остановиться на вопросе об организации принудительных работ. Сейчас в правительственных органах проходит и скоро увидит свет закон о принудительных работах. Коротко говоря, дело сводится к тому, что лица, осужденные на короткий срок, до полугода, а у нас их добрая половина, будут отбывать приговор в порядке исполнения принудительных работ. Организовать для них принудительные работы по всей территории нашей страны далеко не простое дело, особенно для адморганов, на долю которых выпадет его выполнение. У нас не впервые появляется институт принудительных работ, они существуют давно, приговоры выносятся, но сами принудительные работы мы не могли наладить. Получалась фикция. Нужно по-деловому взяться за эту задачу, внимательно, тщательно продумать все детали этого дела, и только тогда мы можем рассчитывать на успех, ибо иначе мы будем иметь перманентный, плохо организованный субботник, т. е. не выполним ту задачу, которая перед нами поставлена. Нашей задачей должно быть полное, целесообразное, с производственным эффектом использование этой рабочей силы!

Надо приступить к проработке всех хозяйственных планов. Это огромнейшая и труднейшая задача, а при отсутствии у нас достаточного опыта, она еще более усугубляется. Нужно иметь в виду то обстоятельство, что мы живем в условиях, когда в нашей стране есть безработица, и мы не можем вступить в конкуренцию со свободными рабочими руками. Делая свой план и организуя трудовые процессы, мы ни на минуту не должны забывать о кадрах безработных и находить такие формы работы, которые в максимально-возможной степени не находились бы в противоречии с интересами безработных. В этом одна из трудностей организации принудительных работ. Здесь очень легко перегнуть палку в ту или другую сторону.

В области тюремного дела нужно отметить одну деталь, которую я отмечал в своей статье, — это положение тюремного персонала. Положение очень тяжелое. Подбор недостаточно удовлетворителен. Это ведет к тому, что на этой детали мы спотыкаемся. Это срывает всю нашу политику, и мы не можем считать второстепенным вопрос о поднятии квалификации и об улучшении положения тюремного персонала. Речь идет о небольшом кадре работников, но здесь, повторяю, можно очень легко споткнуться. Недаром в своем выступлении М. И. Калинин остановился на вопросах тюремного дела. Ему, руководителю большого, разностороннего дела, это бросается в глаза. Вопросу постановки трудовых процессов должно быть уделено особенно большое внимание. Мы должны позаботиться наряду с этим и о персонале.

Задачи ЗАГС

В области ЗАГС наши задачи, мне думается, заключаются в том, чтобы эти органы превратить в политические органы, тогда как сейчас они представляют из себя плохонькие уездные канцелярии. Это органы большой политической важности и не столь органы НКВД, сколько органы других политических организаций. Соответствующим образом нам нужно их обставить внешне и людьми. В конце концов, вся задача упирается в людей, и я думаю, что в органах ЗАГС прежде всего нужно начать с подбора людей. Нельзя борьбу с религиозной обрядностью, с поповщиной и церковщиной вести зачастую через легкомысленных советских барышень. Это не пройдет. Это будет канцелярия, регистрирующая акты гражданского состояния, и никоим образом не воздействующая на те политические процессы, которые проходят перед нами. Нам нужно подобрать особенно ответственных людей, подобрать товарищей, которые сумеют заставить ЗАГС'ы быть серьезными политическими органами. Надо развернуть в более широком масштабе эту политическую работу.

Возьмите такой обряд, как октябрины. Это происходит в клубе, тогда как, казалось бы, место этому в ЗАГС'е. ЗАГС заменяет упраздненные обряды церковные, и, если раньше крестили в церкви, то теперь нужно пойти в ЗАГС, а почему-то идут в клуб. Очевидно, работники ЗАГС'а недостаточно хорошо у нас подобраны.

Участие адморганов в советском строительстве

Позвольте теперь кратко коснуться вопроса о советском строительстве. Мы от него совершенно отошли, и это неправильно.

Сейчас, когда проводится целый ряд вопросов советского строительства, мы не должны проходить мимо них.

Вы знаете, что по перспективному плану должно пройти районирование Республики, создание областей, округов, районов. В этой работе мы будем нагружены и мы должны к ней подготовиться. Мы занимаемся этой работой кустарно, и этот вопрос нужно поставить иначе. Мы принимаем большое участие в выборах, в избирательной кампании, по части учета результатов избирательной кампании, по части регистрации лиц, лишенных избирательных прав, и т. д., и по части создания технических условий для прохождения выборов. Вы должны знать, что техника выборов очень часто переходит в политику. Эту часть мы на себя должны взять, мы можем взять.

Вопросы по изучению состояния настроений масс. Каждый администратор должен знать, чем живет та

масса, на которую он обязан так или иначе воздействовать. Он должен изучать процессы, должен отмечать, какие настроения у рабочих и крестьян, как выполняются те или иные мероприятия правительства и т. д. Этим должны заниматься адморганы. Это есть та почва, на которой мы можем правильно разворачивать нашу работу. Без этого мы не можем работать, и это должно быть включено в круг обязанностей адморганов.

На этом, товарищи, я заканчиваю и не буду злоупотреблять вашим терпением. Никто, товарищи, не может посетовать на меня за какие бы то ни было личные упреки. Я хотел говорить не о лицах, не о людях, а о тех явлениях, о тех пробелах, которые стоят перед нами. Я оговорился, что я далек от мысли критиковать кого бы то ни было и что я буду говорить о наших недостатках, и думаю, что это обещание я сдержал. Дело не в виновниках. Весь смысл в той оценке, которую мы делаем, а правильно оценить — это значит стать на путь устранения наших недостатков. Думаю, что здесь, на съезде, мы можем выявить ряд наших больных мест и о них здесь будут говорить с полной ответственностью, с полной откровенностью. Все это в конечном итоге результат определенного исторического развития нашей страны, и поэтому обижаться кому бы то ни было не приходится, тем более, что я никого не имел в виду, ни из числа сейчас работающих, ни раньше работавших.

Задачи, которые следует поставить перед адморганами, чрезвычайно велики. Осуществление их очень трудно. Но по пути постановки этих задач, по пути решения их мы должны пойти для того, чтобы постепенно органы административные в системе советского государства принимали все большее участие в том социалистическом строительстве, которое будет становиться все шире и шире.

Прокуратура и суд в борьбе с лжекооперативами.

Циркуляр НКЮ о мерах борьбы с лжекооперативами, опубликованный в № 16 «Е. С. Ю.» за 1928 г. (ц. от 30 апреля с. г. № 66), при условии точного проведения его в жизнь местными органами суда и прокуратуры, безусловно, сыграет большую и положительную роль в деле усиления борьбы с лжекооперацией.

Само собою разумеется, прокуратура и суд и до настоящего времени не стояли и не могли стоять в стороне от борьбы на этом своеобразном участке преступности. Местами и до настоящего времени проявлена была выдающаяся энергия и инициатива в этом направлении. Можно, например, указать на совещание по борьбе с преступностью при Московской губпрокуратуре, на котором вопрос поставлен был во всей его остроте и широте. Можно было бы, далее, указать на ряд процессов над лжекооператорами и т. д. Борьба велась и до настоящего времени. Но можно ли сказать, что она достигла повсеместно того темпа и напряжения, как это необходимо в силу директив XV Партсъезда, в силу того значения, которое борьба эта имеет в общей системе борьбы социалистического сектора нашего хозяйства с капиталистическим? Конечно, этого сказать нельзя, и значение циркуляра НКЮ прежде всего, заключается в том, что он, в соответствии с директивами XV Партсъезда, предлагает ряд практических мер, которые должны повсеместно усилить темп и напряжение борьбы с лжекооперативами.

Требую устранения медленности и волокиты в разрешении дел о лжекооперативах, настаивая на окончании «в кратчайший срок» производства по этим делам как в стадии предварительного следствия, так и в стадии судебного рассмотрения, НКЮ в то же время дает точные указания по вопросу о квалификации этих преступлений. Значение этих указаний не только в том, что они являются ответом на ряд соответствующих запросов и сомнений на местах, но и в том, что они предопределяют на ближайший, по крайней мере, период линию судебной политики по данной категории дел.

Линия же взята достаточно жесткая. Она должна будет совершенно недвусмысленно напомнить лжекооператорам слова Ленина на 9 съезде советов о том, что

«суд у нас пролетарский и суд у нас сумеет посмотреть за каждым частным предпринимателем, чтобы законы писались для них не так, как они пишутся в буржуазных государствах».

Организация лжекооперативов и лжетовариществ, как известно, есть не что иное, как один из обходных нелегальных и мошеннических путей частника и кулака, на который они все чаще становятся по мере того, как они вынуждены отступать перед растущим социалистическим сектором нашего хозяйства. Под защитным флагом и вывеской кооператива частник стремится использовать различные выгоды, отнюдь не для частников и кулаков предназначенные в стране пролетарской диктатуры. Лжекооператив (выдаваемый, разумеется, за подлинный кооператив) пущен частнику для того, чтобы получить льготный кредит, лучший ассортимент товаров, уклониться от неприятных платежей в страхкасса, укрыться от фининспектора, безнаказанно нарушать законодательство о труде и т. д. Такова социально-экономическая, если можно так выразиться, сущность лжекооперации.

Она определяет и юридическую ее сущность. Действия руководителей лжекооперативов обычно поэтому и предлагается квалифицировать по 2 ч. 169 ст. УК, т. е. как квалифицированный вид мошенничества, так как

«самый факт образования лжекооператива должен рассматриваться, как покушение на использование путем обмана льгот, предоставляемых кооперативным организациям».

В тех же случаях, когда в результате работы данного лжекооператива явится явный подрыв экономической мощи какой-либо из основных отраслей государственного хозяйства, соединенный с крупными материальными убытками для государства, НКЮ предложено действия лиц, возглавляющих данный лжекооператив, квалифицировать, как экономическую контр-революцию, по ст. 58⁷ УК (эвентуальный умысел).

Серьезнейшее практическое значение имеет директива НКЮ о привлечении к ответственности не только организаторов лжекооперативов, но и тех должностных лиц инструкторского аппарата, ревизионных и наблюдающих органов, благодаря преступной халатности или попустительству которых оказалась возможной организация и деятельность лжекооператива. Директива эта вполне аналогична той, которая в свое время дана была по линии борьбы с растратами и которая не в малой степени содействовала пробуждению ревизионных и контролирующих органов от того летаргического сна, в котором многие из них пребывали, не в малой степени содействовала, иначе говоря, усилению борьбы с растратами. Несомненно, и в борьбе с лжекооперативами ей предстоит сыграть отнюдь не менее существенную роль.

Две на выдержку взятые иллюстрации с достаточной наглядностью подтверждают сказанное.

В декабре 1927 г. по инициативе помощника прокурора по Ульяновскому уезду в связи с поступившими к нему сведениями произведено было обследование одной кооперативной лесопромышленной артели, которая за четыре месяца до этого была обследована инструкторами райселькредитсоюза, при чем инструкторами были отмечены лишь отдельные мелкие недочеты в деятельности данного кооператива. Что же оказалось при вторичном обследовании ее? Оказалось, что из 8 членов артели 6 лишены избирательных прав, что артель представляла собою не что иное, как кучку собравшихся со всех концов губернии бывших арендаторов и торговцев, выбитых революцией из своих насиженных гнезд. Имея в своем распоряжении лесопильные заводы, артель работы вела при помощи наемных рабочих, при чем на каждого члена артели приходилось по три наемных рабочих (!).

Разумеется, о соблюдении Кодекса Законов о Труде никто в артели и не думал, кооперативная вывеска как раз и использовалась для эксплуатации рабочих и получения различных льгот. В результате обследования артели была ликвидирована, лжекооператоры преданы были суду.

Приведенный только что пример характерен не только тем, что он показывает результативность вторичного обследования, но и тем, что не в меньшей мере иллюстрирует поверхностность обследования, произведенного теми, кому собственно об этом должно знать. Несомненно, будь артель в свое время обследована более внимательно инструкторами райселькредитсоюза, можно было бы ликвидировать этот напор, по крайней мере, четыре месяца раньше. Более того, отнесись регистрирующие органы менее формально к своим обязанностям, если бы они дали себе труд поинтересоваться поближе личностями учредителей, можно было бы не допустить самого образования артели! Явный порядок регистрации отнюдь не оправдание для регистрации явных лжекооперативов.

Другой иллюстрацией тех широких возможностей, которые создаются для лжекооператоров исключительно в силу невнимательности, беспечности и безалаберщины в деятельности различных органов, соприкасающихся с задачей борьбы с лжекооперативами, может служить материал, выявленный на процессе «Новгорстрой». Наиболее характерным в данном деле является то, что стоявший во главе артели частник, прежде чем он очутился на скамье подсудимых, имел возможность разрушить целый ряд артелей. В 1926 г. под вывеской правления Замоскворецко-Павловского жилищно-строительного т-ва он открывает мастерскую столярных изделий, где у него работали 8 рабочих в самых возмутительных условиях. Формально рабочие значились членами артели, фактически же решительно никакого влияния на дела артели не имели, всем распоряжался частник. Рабочие работали за 1 р. 25 к. в день, по 9 и более часов, в полуподвальном помещении при постоянном искусственном освещении, не получая ни расчетных книжек, ни спецодежды, а зачастую и зарплаты. Не лучше обстояло дело в других таких же лжекооперативах, куда перебирался тот же «организатор» по мере того, как начинал чувствовать приближение провала. Тот же герой орудовал и в артели «Горстройарт», о проделках которой заговорила печать. Когда, наконец, 9 мая 1927 г. он предстал перед судом по делу «Новгорстрой», то к этому моменту он успел уже примоститься в качестве члена промыслового кооператива «Подмосковный Каменолом» с окладом в 225 руб.

Совершенно очевидно, что такие широкие возможности в данном случае аферист-лжекооператор получил исключительно благодаря несовершенству борьбы с лжекооперацией, несовершенству предупредительных мероприятий, несовершенству работы инструкторских и контролирующих и регистрирующих органов фиска. Задача заключается в том, чтобы более энергично и более своевременно пресекать деятельность подобных дельцов.

Сказанное в то же время подчеркивает происхождение и значение директивы, изложенной в п. 1 циркуляра и предлагающей

«прокурорскому надзору иметь неослабное наблюдение за правильной работой органов, регистрирующих вновь возникающие кооперативные организации»,

а равно директивы, изложенной в п. 2, о принятии всех мер к скорейшему обследованию соответствующими органами всех тех низовых кооперативных организаций, работа которых по тем или иным данным имеет нездоровые уклоны в сторону связи с кулацкими и частно-предпринимательскими элементами.

Это значит, что усиление борьбы с лжекооперативами должно найти свое отражение не только в непосредственно судебной или следственной работе, но и в работе совещаний по борьбе с преступностью, и притом не только в смысле согласования мероприятий различных ведомств, но и в смысле инициативной проработки ряда вызываемых местной обстановкой предупредительных мер. Усиление инструкторской и следовательской работы в отношении низовой кооперации, устранение наблюдающе-

гося в ряде случаев чисто формально-чиновного отношения к регистрации (благоприятствующего созданию и легализации явных лжекооперативов), усиление участия финорганов в выявлении характера тех кооперативов, обложением которых они ведают, инициативные предложения по линии усиления мер экономического воздействия на лжекооперативы со стороны вышестоящих кооперативных органов, госорганов, банков—все такого рода вопросы требуют активного внимания прокуратуры.

Борьба с лжекооперативами не может вестись мерами одной лишь уголовной репрессии. Необходимы меры экономического воздействия со стороны вышестоящих кооперативных организаций, госорганов, банков. Разумеется, принятие таких мер не входит ни в какой степени в компетенцию судебно-следственных органов и прокуратуры, но этим не исключается возможность и необходимость инициативы их и в данном направлении. В частности, из мер экономического воздействия на лжекооперативы Московское губернское совещание по борьбе с преступностью высказалось за целесообразность установления такого порядка, чтобы: а) госорганы отпускали недостаточный импортный товар кооперативным организациям не иначе, как через их объединяющий орган и не отпускали этого товара совершенно «диким» кооперативам, б) чтобы кооперативные объединения в свою очередь отпускали такой товар кооперативному т-ву только с визой прикрепленного инструктора, отвечающего за правильность сообщаемых им сведений, и в) чтобы изготовленный из недостаточного или импортного товара фабрикат сбывался только через орган, объединяющий кооперативные т-ва данной отрасли.

Адвокат-волоки́тчик.

Возмутительный факт из деятельности членов коллегии защитников в деревне был обнаружен при слушании одного дела в Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам РСФСР. В деревне Торатухине Белевского района Тульской губ. нескольким кулачкам удалось добиться такого производства землеустройства, при котором все выгоды от передела достались этой группе наиболее зажиточных хозяев. Земельное общество, состоявшее в своем большинстве из деревенской бедноты, обратилось за помощью к члену Тульской коллегии защитников Молчанову.

Думали получить помощь, но вышло наоборот. Адвокат Молчанов прежде всего стремится нажиться на волоките. Обычный прием старорежимных адвокатов. Он знает, что если дело повести тонко, то обязательно будет слушаться в трех инстанциях. А потому, заранее будучи уверен в своих волокитных способностях, он и договаривается с обществом. За выступление в I инстанции по 25 копеек, во II инстанции по 50 копеек, а в ОКВК (в центре) по одному рублю с едока. Едоков в этой деревне было немало (хотя может и недостаточно для аппетита этого адвоката). так, что он получил, не выступив даже во второй инстанции, 143 р. Обращаясь с жалобой, крестьяне пишут по этому поводу:

«Мы обращались везде и всюду искали ту справедливость, которая должна существовать при Советской

власти, и, по своей темноте, обратились к адвокату Молчанову, каковой, в свою очередь, взял с нас, как с темных баранов, 143 р. Но у нас было безвыходное положение, когда на нас не обращали внимания, и поэтому мы и дали последние свои гроши Молчанову, но вымогатель нам ничего не помог».

Адвокат Молчанов, получивши денежки, не соизволил даже выступить в губземкомиссии.

Из этого факта — эксплуатации бедноты «защитником» — следует сделать соответствующие выводы.

К сожалению, случай этот далеко не единственный. Следует призадуматься, насколько в целом удовлетворительно организована защита в том виде, как она существует до сих пор. В связи с поставленной задачей рационализации судебного аппарата, устранения существующей волокиты в судебном процессе, приходится очень часто слышать от практических судебных работников, что члены коллегии защитников не столько содействуют правильному разбору дел и ускорению процесса, сколько занимаются созданием волокиты и этим мало отличаются от адвокатов царской России. Коллегии защитников занимает в условиях советского строя, своеобразное положение. Формально — это орган государственной защиты, и ей, таким образом, обеспечивается доверие трудящихся масс в защите их интересов, но все же в судебном аппарате защитник занимает особое место. Он волен

договариваться с клиентом, и существующее правило о бесплатной защите бедноты, ограничение оплаты по определенной таксе при обслуживании рабочих, служащих часто остаются на бумаге, а на деле адвокаты Молчановы прибегают к вышеописанным приемам и строят свое благополучие на выжимании последних грошей с бедняцких слоев населения.

Факт с Молчановым характерен с точки зрения обрисовки идеологии некоторой части членов коллегии защитников, увы, недалеко ушедших от старых, давно позабытых времен. И в прошлом идеология адвокатуры, несмотря на прогрессивность части ее в эпоху царизма, даже и в те времена вызывало справедливое возмущение и осуждение. Характеризуя деятельность адвокатов царской России, т. Вышинский в статье «Адвокатура» (Энциклопедия права № 1), пишет:

«... Насколько в этом отношении адвокатура усвоила себе буржуазный характер, проникшись спекулятивно-коммерческим духом своей госпожи, можно судить из многочисленных случаев зарегистрированного торгашества руководящих органов этой адвокатуры». «Еще шаг,—говорит Фойницкий в своей монографии «Защита в уголовном процессе, как служение общественное»,— еще шаг по этой наклонной плоскости, и трибуна адвоката превратится в лавочку торговца товаром, доставлять который покупателю не в его силах, но который, тем не менее, продается им по весьма высокой и отяготительной для населения цене».

Наконец, в качестве основного метода борьбы с лжекооперативами НКЮ предлагает вовлечение в борьбу широких трудящихся масс с использованием для этой цели обычных средств, которыми ведется общественно-политическая работа (доклады, выступления в печати, привлечение общественных обвинителей, связь с рабочими, с секциями советов и т. д.).

Таковы основные практические вехи, в направлении которых мыслимо развертывание борьбы с лжекооперативами по линии прокуратуры и судебно-следственных органов.

Борьба не мыслится в виде т. н. ударной кампании. «Кампанейский» метод борьбы с отдельными видами преступности выявил ряд своих отрицательных сторон, и недавнее постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладу НКЮ и НКВД о карательной политике и местах заключения даже содержит прямое требование его ограничения. Суть не в кратковременной кампании, а в повседневной борьбе с лжекооперативами. Разумеется, и в повседневной борьбе мыслимы и нежелательны перебарщивания и извращения, которые грозили бы в отдельных случаях борьбу с лжекооперативами превратить в борьбу с подлинными кооперативными организациями, в необоснованное дерганье кооперативных работников, что было бы совершенно нетерпимо. Задача поэтому состоит в том, чтобы таких перегибов и извращений не допускать, чтобы острейшую борьбу направить в действительно, а не воображаемого врага и вредителей кооперации.

В заключение несколько слов о так называемых признаках лжекооперативов и лжетовариществ, перечень которых разработан Центральным Кооперативным Советом. Признаки эти имеют несомненную практическую ценность и при ревизиях и обследованиях и при производстве дознания и при судебном разрешении дел. Они помогают распознаванию лжекооперативов, что далеко не всегда бывает легко, так как некоторые лжекооперативы маскируются с большим искусством и сущность их может быть вскрыта лишь путем умелого и серьезного расследования. Замкнутость кооператива (за исключением простейшего рода с. х. товариществ, где она естественна), преобладание в руководящем составе элементов, нетрудовых и эксплуатирующих наемный труд, высокая норма паевого взноса, отсутствие льгот по внесению их для бедноты, превышение норм применения наемного труда — таковы некоторые из указанных в перечне признаков лжекооперативов и лжекооперативных уклонов. Но, не отрицая практического значения упомянутого перечня, в то же время нельзя считать его исчерпывающим: жизнь так разнообразна и сложна, ухищрения некоторых частнопредпринимательских элементов по обходу закона под кооперативной вывеской могут быть также столь многообразны и «инициативны», что дать исчерпывающий и предусматривающий все случаи перечень таких признаков просто невозможно.

Н. Лаговнер.

Эта оценка некоторой части адвокатуры сохраняет свою актуальность и до настоящего времени. Торгашество в этом деле еще не изжито.

На собственной спине бедняцкое население убеждается, что существующий принцип свободного соглашения толкает адвокатуру к услужению сохранившихся обломков буржуазии, и что для бедноты защита не по карману.

В многочисленных письмах, идущих из деревни, много говорится об адвокатской жадности, об игнорировании интересов бедняцкого населения.

Крестьянин Юнин, П. Ф. (тоже Тульской губернии), которому, по видимому, немало не столько помог, сколько повредил адвокат, пишет в своем заявлении в ОКВК:

«Указанный типичный защитник своими формами, навыком адвокатской практики напоминает защиту монархической России, а не революционную законность пролетарского государства, означенному защитнику чужды нужды бедноты, он свое знание продает зажиточному классу за деньги и для своего личного удовольствия. Защитник далек от того, чтобы разъяснить, как юрист, бедноте революционную законность. В силу этого такой защитник непопулярен среди трудящихся. Доктор нужен слабому больному, а защитник нужен также слабому, а не материально сильному».

Крестьянка-делегатка описывает свою работу по оказанию помощи населению в качестве общественной защитницы и, между прочим, пишет:

«Я многим крестьянам и крестьянкам даю советы в земельный суд не брать защитника. Другая бедная морит своих детей голодом, разуты и раздеты, а отбиться от кулака-соседа нельзя, и она берет защиту». Дело, конечно, судом разберется правильно и без этой защиты, а за выступления в суде, да еще в нескольких инстанциях, защитник берет большие деньги, и иногда приходится продать последнюю корову. Таких жалоб много.

Некоторые коллегии защитников развивают большую работу по организации юридических консультаций, приближения юрпомощи к деревне. Но общий результат работы коллегии защитников в настоящее время должен быть признан неудовлетворительным. Работа коллегии защитников должна быть более решительно повернута в сторону защиты интересов трудящихся масс и пролетарского государства; элементам торгашества в этом деле не может быть места в стране советов.

На ряду с чрезмерными гонорами, во многих случаях замечается со стороны защитников недопустимое поведение на суде.

До сих пор этому вопросу не уделялось достаточно внимания. В этом отношении Коллегия НКЮ в заседании 12/IV с. г. в связи с вопросом о проекте УИК считает нужным в организацию внешней Коллегии защитников внести ряд изменений, в том числе установление максимума вознаграждения, с тем, чтобы в случаях превышения максимума преследовать по ст. 117 УК, и введение уголовной репрессии за устано-

вленные на суде случаи заведомо ложных утверждений со стороны членов коллегии защитников.

В связи с неудовлетворительной работой коллегии защитников, следует поставить и другой вопрос — о недостаточном до сих пор обслуживании деревни правовой помощью со стороны судашпарата.

Факт, что в приведенном случае деревня не в какой-нибудь далекой окраине, а здесь, вблизи Москвы, в Тульской губ., силой обстоятельств толкалась в цепкие лапы адвоката Молчанова, действительно ярко показывает о недостаточном темпе развития нашей работы по правовому просвещению и оказанию юридической помощи населению.

Согласно постановления 15 Съезда Партии, по всему Союзу закипит землеустроительная работа. Как никогда, деревня будет нуждаться в знании земельных законов, особенно связанных с вопросами землеустройства, — о правах, предоставляемых бедноте, о льготах коллективам, об ограничениях кулаков и т. д. С работой по землеустройству мы лучше справимся, когда каждый крестьянин будет знать свои права. Там, где происходит землеустройство, обязанность судебных и земельных работников широко ставить дело правового просвещения.

А по таким адвокатам Молчановым, заключающим кабальные для бедноты сделки и способствующим увеличению сутяжничества и волокиты, Советская власть должна крепко ударить.

Н. Ростовский.

Уголовная преступность кулачества на фоне классовой борьбы в деревне.

Северо-Двинская губерния малоземельная, да и земля не плодородна. Одним словом, Север. Но беднота диву дивится: откуда у них в деревне растут кулаки? В ряде деревень Верхне-Варженского сельского совета Усть-Алексеевского района кулаки богатели не по дням, а по часам. В один только год в трех деревнях этого сельского совета бедняков увеличилось: беспосевных до 2% и без рабочего скота до 3%, а кулаки разбогатели. Кто имел 3—теперь 6 коров в хозяйстве, кто имел один—теперь 2 да 3 дома, кто имел только веялку—теперь молотилку и другие более сложные с.-хоз. машины.

Бедняцкие дети не могли все даже ходить в сельскую школу, а кулацкие дети устраивались в семилетки и педагогические техникумы, на советских учителей курс держали.

В сельском совете из 34 членов был только один бедняк, освобожденный от с/хоз. налога, в то время как членами сельсовета состояла группа кулаков, быв. торговцы, мельники и т. п. Словом, кулачество чувствовало себя хозяином положения в деревне.

Северо-Двинская прокуратура специальным обследованием 3-х деревень указанного сельсовета установила доподлинно всю подноготную кулацкого «секрета», посредством которого росли и богатели кулаки.

Вот факты, рисующие картину кулацкого наступления в этих деревнях.

Группа богатеет, при содействии пьяницы и взяточника лесного объездчика, захватила участок общественных лугов и 3 года ими пользовалась, да к тому же и сельхозналог за них не платило, и только благодаря селькору, в этом году общество через земокмиссию от захватчиков отсудило свои луга.

Группа кулаков собирала со всей деревни взятки объездчику: хлебом, деньгами и самогоном, а за это рубили государственный лес сколько сил хватало. Бедняки, в особенности безлошадные, сучьев принесли, а кулаки бревен наворовали, выстроили новые кто один, а кто два дома, да еще городского типа стоимостью в несколько тысяч рублей. А когда лесничество обнаружило в одной маленькой деревушке Куземкино тысячи краденых бревен, уложенных около деревни, кулаки склонили бедняков держать ответ «всем опчеством», предвидя, что им пришлось бы жестоко расплатиться. Председатель сельсовета и лесники держали руку кулаков и спровоцировали бедняков. Бедняки сознались в краже кто 2, кто 3 бревен, а кто жердей или сучьев. В результате бедняки были оштрафованы, а т. к. кулаки не сознались, то лес признали «невьясненным», и кулаки, наворовавшие лесу на целые срубы по 30—50 бревен, остались ненаказанными. Только благодаря селькору, по его заметке в газете кулаки были преданы суду.

Кулаки, чтобы избежать расходов по найму батраков на уборку хлеба, опутывали деревенскую молодежь. Сзывали человек 20 парней и девчат на «помочи», и они целые дни работали за то, что кулаки разрешали вечером в своих домах поплясать и потанцевать.

Кулак Гладышев, пользуясь тем, что состоял членом сельсовета, платил с/хозналог в 5 раз меньше по сравнению с налогом, который платили такие же по мощности хозяйства. Получал из кооператива по твердой цене овес и продавал его по дорогой цене на рынок.

Кулаки Афанасий Гундерин и Гладышев на кабальных условиях снимали в аренду землю и луга у бедноты и укрывали аренду от исчисления доходности по с/хозналогу. Имея до 6 коров в хозяйстве, перерабатывали сепараторами молоко в масло и продавали на рынок, а за $\frac{1}{2}$ ведра кислого молока (отработанное) у бедняков, не имеющих коров, скупали «новинки» (расчищенная земля

Экономическая контр-революция в Донбассе.

После опроса обвиняемых, ходатайств обвинения и защиты о вызове новых свидетелей и чтения обвинительного акта судебное следствие по делу об экономической контр-революции в Донецком бассейне началось с допроса одного из главных обвиняемых — горного инженера Березовского.

Показания Березовского развернули яркую картину вредительской работы контр-революционной организации в Шахтинском районе. Октябрьская Революция подсудимым, воспитанным на традициях капиталистического хозяйства и преданности интересам «хозяина», была встречена враждебно. Национализация рудников усилила эту враждебность. Вера в приход «старого, законного хозяина, работа для большевиков кое-как, лишь не давая разрушиться хозяйству до этого прихода» — черты, характерные для подсудимого. Допрос других обвиняемых показал, что те же мотивы характерны и в их деятельности. Так было в начале 1919 и 1920 г.г. Усердие для «старого хозяина» подкрепляется веским аргументом — «вспомоществованием на прожитие», по выражению Березовского. Не только у Березовского не вызывало сомнений, что Советская власть явление временное. С такой оценкой были со-

гласны многие инженеры и техники, часть из которых теперь занимает скамью подсудимых. Все они уверены во временном отторжении от «старых хозяев», которому вот-вот придет конец. Вот что послужило установкой для вредительской работы подсудимых.

Началось с сохранения недр в исправности до возвращения «настоящих хозяев», создания всяческих помех для использования их Советской властью. На первых порах надо было скрыть начатые проходки наиболее доходных шахт, а разрабатывать лишь пласты худшего качества. Так поступал Березовский, когда он скрыл Бессергеньевскую проходку. По стопам Березовского шли и другие подсудимые. Начало экономической контр-революции было положено.

По мере того, как вера в возвращение «старого хозяина» исчезла, простое сокрытие недр становилось для Березовского явно недостаточным. Саботаж уже не удовлетворял вредителей. Советская власть «затягивалась». На очередь встает вопрос о новых формах сопротивления Советам. Пассивное вредительство уступает место активному. Недостаточно мешать разработке ценных пластов. Реально срывать работу национализированных рудников — вот

что становится основной работой Березовского и других. Кризис из-за каких-то пустяков оказался достаточным поводом для «остановки» богатейшего рудника Ново-Азовского. Как показывают свидетели, рабочие руками разводили, когда узнали о затоплении Ново-Азовского рудника, наилучшего в районе, обладавшего собственной электрической станцией, врубными машинами, отличным оборудованием и большими запасами. Это было в 1921 году.

Несколько позже Березовский встречается с подсудимым Шадлуном. Тот простодушно хвастает: старые хозяева его не забыли, поддерживают его материально. Материальная поддержка Березовскому улыбается. Поддержка связана с вредительскими обязательствами. Но Березовскому к этому уже не привыкать... От подсудимого Горлецкого Березовский получает уже письменные директивы, развивает активную деятельность по вербовке единомышленников и создает таким путем организацию. В контр-революционную организацию входят активные ее члены, подсудимые — Калганов на Грушевском руднике, Некрасов — на Несветаевском и Кузьма — на Власовском. Те, в свою очередь, вовлекли подсудимых Башкина, Бабенко, Чернокижников, Напивоичникова, Антонова, Гаврюшенко и Элиадзе. Контр-революционная организация была слажена и вскоре заработала во всю. Директивы сверху — отчеты, сведения,

из-под мелкого леса) под посев льна, на которых получают огромные урожаи. При чем сепараторы также укрывали от обложения, и только благодаря селькору это укрывательство выяснилось, и кулаки дооблагались налогом.

Один бывший торговец, по привыкший к честному крестьянскому труду, занялся «профессией» легкой наживы. Объявился знахарем, а жена его гадалщицей, и стали на темноте бедняков деньгу запибать. Много скота подошло от знахарских рецептов и много бы мужички и еще понесли убытков, если бы селькор не вытащил за ушко этого знахаря и не разоблачил его в газете.

Кулак Егор Гундерин с осени отправлялся в хлебные районы, скупал хлеб по осенней дешевой цене, а весной или ссужал бедноте за большие проценты, или в тридорога продавал, или снимал в аренду землю и луга на кабальных условиях.

Кулаки Бологовы имели много разных с/хоз. машин (молотилки, веялки, сортировки и т. п.) и эксплуатировали их, обслуживая ряд окружающих деревень. Наживали большие деньги. Пользуясь тем, что кулак Николай Бологов был членом сельсовета, укрывали этот доход от обложения налогом.

Кулаки не только сами проникали в сельский совет, но и завязывали родство с разложившимися работниками сельского советского аппарата. Так, кулак Гундерин выдал дочь за секретаря сельского совета. Кулак Бологов — сестру за местного участкового фельдшера (другую за быв. урядника). Председатель сельсовета, он же член райисполкома, — племянник кулака, лишенного избирательных прав. Председатель ревкомиссии сельсовета имел напаях с кулаком Гундериним сепаратор и т. д. Вообще кулаки с местными совработниками слились в одно целое и образовали враждебный Советской власти фронт.

Это позволило кулакам посягать уже и на льготы, предоставляемые Советской властью бедноте. Через подлоги сельского совета кулаки, даже лишенные избирательных

прав, устроили своих детей в местную 7-летку на 50% всего состава учеников, устроили в педтехникум и даже умудрялись выхлопотать через подложные удостоверения «по бедноте» стипендию своим детям, которая должна быть только для бедняков.

Взяв под свое влияние с/хоз. кредитную кооперацию, кулаки получали оттуда с/хоз. машины на льготных условиях, которые должны быть только для бедняков и середняков.

Пришло из губернии сложение 300 пудов семсуды с бедняцких и маломощных хозяйств для деревень этого сельсовета, а кулаки, пользуясь тем, что часть их состоит членами сельского совета, добивались слагать семсуду со всех поровну, «как с бедняка, так и с кулака».

Придет больной бедняк в фельдшерский пункт, а фельдшер катается на кулацких лошадях по их домам. Привезут фельдшера к вечеру пьяного, так и уходит бедняк ни с чем.

Придет бедняк в сельский совет за справкой, а там кулаки-сельсоветчики, да быв. волостной писарь, обругают, насмеются и заставят целый день ждать. Кулакам же сельсовет удостоверение какое, квитанцию и т. п. посылал с нарочным. Берегли кулацкое спокойствие. Надо кулаку какое-либо заявление написать, идет нахально в избучивательню и получает удовлетворение в два счета.

Лишенные избирательных прав всегда присутствовали на собраниях и нагло срывали проведение советских мероприятий. Так они провалили в этих деревнях кампанию по самообложению, требовали и настаивали «со всех поровну — по едокам».

В гражданскую войну, когда бедняки в рядах Красной армии защищали Октябрьские завоевания, группа кулаков дезертировала и была осуждена на 3 года тюрьмы.

Нужно заметить, что методы физической расправы они применяли в очень многих случаях. Так, одна беднячка-крестьянка сказала кулаку: «раньше я к тебе хо-

прямые акты снизу. Сам Березовский, по его признанию, прямой виновник уничтожения фенолового завода, имевшего военное значение, брикетного завода, связанного с морским ведомством, подковного завода, ухудшения электро-силового хозяйства рудников, снижения добычи, ухудшения проходки шахты Скачинского, некогда собственности капиталиста Парамонова, богатейшей шахты, по воле Березовского задержанной проходкой на целых три года. Это был прямой акт экономического вредительства. Та же история была и на других рудниках на Щербиновке, где «работал» подсудимый Сущевский. Тормозилась проходка новой шахты Пугачевки с добычей до 5 миллионов пудов угля в год — по словам Березовского, из-за того, что не отпускали средств на склады для разработки, предлагая восстанавливать старые. К рассмотрению сметы приложили руку подсудимые Бояришинов в присутствии Рубановича. Те же лица систематически вычеркивали расходы на сортировку, на электро-хозяйство, а из-за отсутствия энергии срывался водоотлив. Ссылки на нехватку средств носят странный характер: находились же средства на проходку менее рентабельных шахт.

Мало по малу размах деятельности вредительской организации ширился. Советская власть проводит большую политическую кампанию за улучшение качества и снижение себестоимости; в

это же время вредители ведут контр-кампанию — ухудшать качество и повышать себестоимость.

За время своей деятельности Березовский получил всего до 180.000 рублей.

Так судебное следствие окончательно, устами Березовского, устанавливает факт существования контр-революционной организации и ее вредительской работы. Экономическая контр-революция наяву и Березовский — одна из главных, характерных фигур, носителей ее на местах, у недр Донбасса.

Каким образом, деятельность вредителей могла проходить незамеченной столь долгое время? Чрезвычайно сложная обстановка горных работ, мешающая непосвященному в работу подметить происхождение неполадок, создавала почву для отыгрывания на недостатках средств.

Завербованные Березовским единомышленники получали директивы по вредительству уже непосредственно от него. Обвиняемый Калганов сохранял для старых хозяев правую сторону шахты «Пролетарская Диктатура», затягивал разработку шахты им. Воровского и откачку Бессергеньевки. Врубные машины сознательно ставились на слишком твердые для них пласты для того, чтобы они быстро изнашивались и портились. Вредители умели иногда так поставить свою работу, что нанесли вред, даже делая с виду полезные

вещи. Восстановление шахты «Красненькой», заведомо нерентабельной, наносило сплошной вред государству, но внешне создавало эффект полезности работ вредителей. Чем позже, тем все сильнее развивается вредительская инициатива подсудимых, перерастающая директивы, когда каждый член организации старался напортить нашему хозяйству, где и как только было можно. А директивы от высших вредительских центров все шли и шли: сохранить недра, вести работу только там, где она нерентабельна, стремиться к порче оборудования, неправильно устанавливая и обращаясь с ним. Когда вредители уцепились за надежду на возвращение бывших хозяев под видом концессионеров-арендаторов, тотчас же вредительские места облетела директива затрачивать отпускаемые средства на поддержание оборудования тех шахт, которые впоследствии могли бы быть получены в аренду или концессию бывшими хозяевами. Угодливое отношение к частной собственности своих бывших хозяев принимало такие размеры, что не допускалось нарушение частно-хозяйственных границ, прежде существовавших между владениями отдельных хозяев. Такой рисуется вредительская деятельность подсудимых в показаниях Калганова, получившего от Березовского всего около 100.000 рублей, из которых он себе оставил 15.000 рублей. Выдачи остальным составляли 50—70% жало-

дила с поклоном за хлебом, а теперь свой имею», кулак, со словами: «А! Тебе теперь хорошо», набросился и избил беднячку.

Одному бедняку сельККОВ разрешил взять секвестриванный лес у кулака Гундерина. Гундерин публично заявил бедняку: «хочешь пользоваться «чужим добром», смотри, попадешь мне,—на одну ногу наступлю, другую в руки и раздеру».

По адресу селькора ежедневно сыпались самая отвратительная ругань и угрозы не только на собраниях, но и в стенах сельского совета, фельдшерского пункта и т. п.

Всего того, что установлено прокурорским обследованием, нельзя описать, для этого потребовалась бы целая брошюра. Но и приведенного достаточно, для того, чтобы понять, каким образом богатели кулаки.

Сильно и решительно противодействовал кулацкому напору единственный борец за Советскую власть и деревенскую бедноту—селькор А. Бологов. Многим кулакам от его заметок не поздоровилось (штрафы, налоги и т. п.). Кулаки остервенели, видят, что селькор—одиночка, что беднота ими задавлена и не активна, сельская власть в их руках, организовали заговор и... при содействии фельдшера (дал ему сильно-действующий яд) отравили героя-селькора.

Сейчас убийцы-душители селькоров сидят в тюрьме и ждут пролетарского суда над ними, обвиняются они по 58^а ст. Уг. Код. (совершение террористического акта), им грозит высшая мера наказания.

Так через мошенничество, кражу леса, спекуляцию, сокрытия объектов обложения, захват общественных лугов, кабальные сделки и т. п. кулаки пришли к организации террористических актов против советских общественников (они предполагали убить и других активных деятелей).

Из всех приведенных нами фактов вывод один. Кулаки обогащались за счет злостного нарушения советских за-

конов и наглого посягательства на бедняцкие льготы. Во всех перечисленных фактах мы имеем соответствующее преступление перед советским государством.

Вполне понятно, что в особенности в слабо земледельчески развитых районах, и не только в С.-Двинской губернии, за счет исключительно честного крестьянского труда, кулаку вырасти невозможно. И если он растет, то растет, главным образом, за счет уголовных преступлений и бесчисленных нарушений советского правопорядка. Но ведь органы Советской власти ведут с этим борьбу, почему же с этой уголовной преступностью кулачества не вели борьбу местные органы Соввласти и общественные организации, а боролся только один селькор? Ответ очень ясен.

Во-первых, сельский советский аппарат был в руках кулачества. Сельская интеллигенция (фельдшер, учитель, секретарь сельсовета) оказалась заодно с кулачеством. Кооперация оказалась под влиянием кулаков. Районные власти и районные общественные организации бездействовали.

Во-вторых, беднота терпела кулацкое наступление и не вела активной борьбы. Беднота слабо участвовала в перевыборах советов, поэтому в сельсовете оказались кулаки. Беднота слабо шла в кооперацию, поэтому кулачество имело в ней решающее влияние. Беднота не организовывалась в сельско-хоз. коллективы, поэтому кулачество воспользовалось с/хоз. машинами и закабаляло бедноту. Середняки поддались кулацкому влиянию, и вместо союза с беднотой более зажиточные шли за кулачеством.

Выходит, что причин и виновников создавшегося анти-советского положения в деревнях В.-Варженского сельсовета очень много, и все эти причины имеют очень серьезное значение. Они создали ту почву, на которой зрело кулачество, на которой кулачество систематически тво-

ванья каждого из членов организации, порой доходя до 100% оклада.

При допросе Калганова судебное следствие познакомилось с новым моментом, характерным для всей организации вообще. Этот момент—конкуренция, маскировка вредительской работы. Выясняется, что на производственно-технических совещаниях выступали многие из входивших в организацию вредителей, и выступали с предложениями, клонившимися к улучшению работы. На первый взгляд, как-будто противоречие с вредительской работой. Однако, противоречие только кажущееся. По колоритному объяснению Калганова, надо же было делать что-либо «путное», и это «путное» было в обиходе вредителей, составлявших до 20% ответственных работников Рудуправления. В подпольной, конспиративной вредительской работе участвовал сплошь весь командный состав управления рудников.

Первый поверхностный осмотр инспекцией рудников и работа на них закрепила, по словам подсудимого Самойлова, ту халатность, которой только и отличалась его работа на первых порах. Раз безнаказанно сошли результаты халатности, почему бы не пройти безнаказанно прямо недоброжелательному отношению к работе. Но этой почве у подсудимого происходит сближение с Березовским, Горлецким, Бояршиновым, Шадлуном и другими. Втягивание под-

судимого в организацию было обставлено тонко. Этому-де способствовало отсутствие какой бы то ни было культуры работы на руднике—жалуется Самойлов. Подсудимый в лагере вредителей. Порча механизмов и оборудования на рудниках, ухудшение качества вырабатываемой продукции путем плохой сортировки, задержка в производстве горных работ, задержка в течение ряда лет комплектов кипяточных труб без использования, аварии турбины, неправильное хранение динамита, неисправное содержание вентиляции—вот факты, которые характеризуют одну из фигур экономической контрреволюции—Самойлова.

Отрезанный от красных партизанский отряд, борющийся с белыми войсками, вынужден остаться в Новочеркасске на нелегальном положении. Несколько членов отряда ищут работы на руднике, где управляющим состоит подсудимый Бабенко. «Для красной сволочи места нет, вам место лишь в карьере» (там белые расстреливали красных)—вот как ответил Бабенко. Свидетели говорят не только о Бабенко; оказывается, Березовский и Самойлов в то же время выдали белым рабочим, участвовавшим в партизанских отрядах: партизаны, в числе до 50 человек, были расстреляны. Свидетельскими показаниями устанавливается, что у Самойлова в шахте совершенно игнорировались правила техники безопасности: по

правилам один запальщик должен был выпалить не более восьми буров с динамитом, Самойлов заставлял палить сразу по 30-ти. На заявления об угрожающей запальщикам опасности Самойлов не обращал никакого внимания.

«Интересы «хозяина» заставляли эксплоатировать рабочих, быть грубым с ними, вот и приходилось быть скотинкой своему же брату рабочему» — разводит руками Бабенко перед судом. Октябрь он встретил недружелюбно. Голод укрепил его вражду. Подсудимый был назначен Березовским на работу в Азовском руднике. Не раз намекал ему Березовский на желательность останковки Азовской шахты. Большого труда уговорить Бабенко не стоило: он принял меры, и Азовский рудник был затоплен. Затопление затем было оформлено, очевидно, при участии других членов вредительской организации. Сокрытие подготовленных целиков, разработка худшей части пластов, затопление проходки, вклинивавшейся в скрывающийся пласт, неправильное распределение врубовых машин, торможение рабочего изобретательства, бойкот машин советского производства, выполнение вредительских директив Березовского и Калганова, от которого он получал и деньги,—такова физиономия вредителя Бабенко. Характеристику фигуры подсудимого завершают свидетели его издевательского отношения к рабочим, особенно к пленным красноармей-

пило уголовные преступления, на которой в заключение всего было совершено убийство селькора.

И все же таки должен же быть конкретный и наиболее ответственный виновник.

Установлено, что селькор был один красный воин в кулацком поле. А где же были органы борьбы с преступностью? Кулаки нахально нарушали советские законы, кулаки в массовом виде совершали уголовные преступления. Где же была милиция? Оказывается, что раймилиция всего этого не замечала. А где же были народный следователь, уполномоченный РКИ, ККОВ, РИК'а и другие учреждения и организации, ставящие себе в задачу борьбу с преступностью, защиту бедноты? Оказывается, они не ведали, что делается в деревнях их района. В то же время такие происшествия, как кража одной меры картошки у кулака из стомерной картофельной ямы, моментально было известно милиции. Проводилась углубленная уголовно-розыскная работа, производилось усиленное дознание и воры обнаружались—в лице соседа-бедняка.

Случайно ли, что районные и сельские органы борьбы с преступностью в данном случае не заметили целую вереницу уголовных преступлений кулачества? Нет, не случайно.

Работники, особенно рядовые милиционеры, еще не осознали сущности классового расслоения в деревне со всеми вытекающими отсюда последствиями. У них еще чрезвычайно узкое понятие об уголовных преступлениях. Они нередко представляют объектами борьбы лишь воровство, хулиганство и убийство, и в этом отношении работу ведут энергично. Кулацкое добро охраняется безупречно.

А вот когда кулаки выжимают соки из бедноты всякими мошенническими и кабальными махинациями и ростовщичеством, когда кулаки укрывают объекты обложения от налогов, когда строят дома из краденого государственного леса, когда через подлого пользуются бедняцкими льготами, когда спекулируют кооперативными

льготами, когда публично угрожают селькорам, когда разложившиеся работники советского аппарата покровительствуют и способствуют этим преступлениям,—милиция этого почти не замечает или полагает, что перечисленные действия их по службе не касаются, а касаются других ведомств, или видят в этом случае просто гражданские правоотношения, и т. п. По этому поводу начальник указанной районной милиции объяснял так: «против обезданника, за взятки отпущавшего лес кулакам, не возбуждал преследования в виду того, что преступление совершилось 2 года тому назад».

Против растратчиков в двух кооперативах не возбуждал преследование потому, что «одного «общество простило» а другой «растрату внес».

Кулаков за угрозы селькору не привлекал потому, что «не думал», чтобы за угрозы селькору можно предать суду.

Сельсоветчиков за включение в учетные списки по с/хозналогу группе бедняков—доходность кулаков, а кулакам—доходность бедняков (РИК так и обложил) не привлекал к ответственности по нецелесообразности, «думал», что это произошло неумышленно.

В отношении сокрытия кулаком объектов обложения—дело финорганов. Поступления кулацких детей в школы по подложным документам—дело губоно.

Кулаков, выстроивших дома на краденый лес, привлеченный за взятки, не привлекал потому, что это было в позапрошлом году, и потому, что в этих деревнях лес «все воруют», и приблизительно ряд подобных объяснений.

Это так рассуждает начальник раймилиции—член ВКП (б), политически грамотный, работающий около 5 лет в милиции. Отсюда ясен вывод о том, как же милиционер в деревне понимает уголовную преступность и ведет с ней борьбу.

Из всего нами сказанного вытекает следующая очередная задача перед прокуратурой и губадмодделами.

цам: «Это вам не соведения; чуть-что—пожалуйста к стенке».

Совершенный Бабенко и Березовским акт затопления Ново-Азовской шахты, вызвавший такое негодование рабочих, был подготовлен в обстановке, о которой суду рассказал подсудимый Петров, присутствовавший на квартире Калтанова в момент, когда обсуждался проект затопления Ново-Азовской шахты и торможение проходки Бессергеньевки. Решив положительно тот и другой вопрос, присутствовавшие цели «боже, царя храни».

Фигура подсудимого Петрова вообще отличается своеобразными вредительскими чертами. Большое место у него—неуравновешенность, которая вместе с «вспыльчивостью» рабочих приводит подсудимого к постоянным неладам с рабочими. Это, в свою очередь, повлекло, по его словам, полное безразличие к работе, потерю инициативы и даже саботаж, а от саботажа до прямого вредительства небольшая дистанция. Беспечная проходка хода № 19 и бремсберга № 19 на шахте «Октябрьская Революция», проходка, требовавшая много денег, задержка проходки центрального уклона с целью нарушить нормальное соотношение между эксплуатационной и подготовительными работами, а значит и затруднения всей работы вообще,—было делом рук Петрова. Вредительство подсудимого с виду носит иногда как-будто полезный харак-

тер, так, когда он прокладывает узкоколейную железную дорогу вблизи шахты, принадлежавшей шахтовладельцу Берескунову. Но оказывается, что это делалось по просьбе самого Берескунова, для обогащения его «после свержения Советской власти». Подсудимый отремонтировал совершенно ненужный для работы копер. Для чего? Копер принадлежал ранее Самойлову, и ремонт был продлан в видах на будущее возвращение «хозяина». На суде выясняется подоплека вспыльчивости рабочих, на которую жаловался Петров. Оказывается, подсудимый систематически нарушал расценки работ, вызывая справедливое недовольство рабочих. К этому прибавляется удлинение рабочего дня. Все это в нарушение коллективного договора и с единственной целью умышленно натравить рабочих на Советскую власть. Таковы вредительские акты Петрова.

Перед судом главный механик Власовского рудоправления, Чернокнижников, один из активных членов контрреволюционной организации, по его собственному признанию. Работает он тоже по директивам Березовского. Турбины на Власовском руднике особенно изношены, но директива дана—пуском разрушаются, стоит ли стараться для большевиков. Подсудимый проводит ее в жизнь и получает вознаграждение в 5.000 рублей. Дается другая директива разобрать ценные механизмы и исполь-

зовать их как материалы на ремонтные работы. Механизмы разбираются. Попытка подсудимого изобразить порчу некоторых машин «разрушительным влиянием времени» разбивается о деньги, которые получал Чернокнижников на вредительство. И вредительских актов Чернокнижникова, верно, было бы много больше, если бы не рабочие-горняки, срывавшие ряд этих актов с самым последним момент. Бдительность и прямая самоотверженность рабочих-шахтеров подчас не давали совершиться то взрыву компрессора, то пожару шахты, то запутыванию канатов подъемника,—актов, подготовленных вредителями.

Свою, отличную от других, физиономию имеет инструктор по врубовым машинам Дженко-Грушевского рудоправления—подсудимый Никишин. Поле его вредительской деятельности—снабжение рудников врубовыми машинами. На шахты присылалось врубовых машин больше, чем нужно; бывало, что машины привозились просто без всякой надобности. Цель здесь была определенной: «старые хозяева» по возвращении получают ценное оборудование за счет советских средств. Поставлялись и непригодные машины. Подсудимый Горлецкий говорил Никишину: «Вскоре придется работать с новыми хозяевами; вам нужно стараться размещать больше машин». Размещались машины, размещался и подсуди-

Нужно деревенский аппарат борьбы с преступностью круче направить на классовые рельсы. Нужно воспитать и преломить в сознании работников милиции и следствия необходимость сочетания ими борьбы с уголовной преступностью и нарушением советского правопорядка в деревне с процессом расслоения крестьянства и классовой борьбой в деревне.

Мы не можем, конечно, не привлекать к уголовной ответственности и бедняка, если он совершит кражу, но тем более мы беспощадно и жестко должны вести борьбу с преступниками—кулаками.

Нужно добиться, чтобы ни один случай нарушения сового» характера борьбы с преступностью в деревне. Нужно добиться того, чтобы в практическую борьбу с преступностью вкладывалось понимание классовой сущности в противовес формально чиновничьей установки «закон для всех равен».

Перевоспитание в этом направлении должно особенно проводиться среди рядовых милиционеров в деревне. Кроме того, против паступления деревенского кулака нужно противопоставить советский кулак. Милиционер, избач, селькор, стенкор должны прочно объединяться в своей деятельности. Нужно, чтобы начмилиции, уполномоченный РКН и следователь укрепляли живую и непосредственную связь с сельскими работниками, а все вместе взятые должны ближе связаться с крестьянскими массами, в первую очередь с беднотой.

Нужно добиться, чтобы ни один случай нарушения кулаками советского закона, тем более уголовного преступления, не оставался безнаказанным.

Нужно вести борьбу против преступлений кулачества твердо классовыми методами и без всяких послаблений.

Прокурор С.-Двинской губ.

М. Татаринцев.

Ошибка или новый принцип? *)

(По поводу нового закона о взысканиях за лесорубки)

Как известно, этот закон почти все дела о лесорубках, где стоимость похищенного не превышает 160 руб., передает в ведение сельсоветов, ВИК'ов и адмтделов.

Этой мерою в сущности огромное большинство лесорубок изымается из судебного рассмотрения и решаются в административном порядке, так как все порубки, за весьма малыми исключениями, не превышают 100 руб., при чем повторные лесопорубки на сумму до 100 руб. нимало не влияют на степень ответственности виновного и на подсудность дел этой категории.

Несомненно, в новом законе допущена крупная ошибка, подлежащая немедленному устранению. Повторение преступления, как повод к повышению меры наказания вообще, проводится в УК довольно последовательно, в чем можно убедиться хотя бы из содержания статей 7, 17 (п. «в»), 60, 61, 74, 79, 83 и др. Поэтому кажется чрезвычайно странным и непонятным, что этот принцип не нашел себе применения в отношении лесопорубок на сумму до 100 руб. Вполне возможны случаи, по крайней мере в условиях быта сельского населения уезда с наличием значительных лесных массивов, как, например, Дмитровский уезд, когда данное лицо, совершившее в течение года 8—10 порубок, каждая на 100 руб., будет признано несостоятельным к уплате штрафа, с заменю его принудработами... А принудработы, даже в той их нормировке, какая дается им в постановлении ВЦИК'а об обязательных постановлениях местных исполкомов об охране лесов от 2/I—28 г., все же не достигнут желаемой цели в виду пока полной неорганизованности при ВИК'ах этого вида взысканий. В результате последует незаконная пажива преступного лица на 800 руб. При таких условиях

*) Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

мый, получив квартиру, лошадь и 100 рублей премиальных ежемесячно. В Донецко-Грушевское рудоуправление десятками доставляются врубные машины иностранных фирм, в большинстве оказавшиеся негодными для работы на твердых пластах: быстро изнашивались и приходили в негодность. Сознательное вредительство в приемке этих машин подтверждает сам подсудимый, получивший пакет с 400 рублями от приехавшего для установки машин от немецкой фирмы Кнаппе инструктора-монтера подсудимого Бадштибера.

Заботы об интересах бывших хозяев проявлялись исключительные: Донецко-Грушевское рудоуправление представляет в Донуголь заявку на врубные машины, значительно преувеличенную, на место происками вредителей попадает чуть ли не вдвое больше машин в расчете на то, что они пригодятся бывшим хозяевам при их возвращении.

Не все подсудимые, однако, сознаются в своем вредительстве. Один из наиболее характерных типов контрреволюционной организации, А. Колодуб, отказывается признать себя виновным. Относился к Советской власти он «с любовью», вредительством не занимался, о вредительской организации ничего не знает, денег никогда не получал. И если Калганов в очной ставке уличает Колодуба в принятии денег, зная на что они идут, то для Колодуба

здесь ясно, что Калганов лжет. Уличаемый свидетельскими показаниями он продолжает отрицать, что сознательно разрабатывал нерентабельные шахты, сознательно задерживал установку котла для водоотлива шахт, что он отвратительно держал себя с рабочими, ругал Советскую власть, приговаривая: «незачем стараться для этих голодранцев, наша хорошая работа только поможет им дольше держаться». Здесь, по его словам, оговор,—он чист. И если в его собственной шахте нашли шифр подпольной организации и часть принадлежавших ей денег, то он, Колодуб, об этой шахте сказать ничего не может, он даже и не посмотрел на нее толком после покупки.

Такой же тактики держится на суде и подсудимый Е. Колодуб.

Тем большую яркость приобретают зато показания свидетелей. Находящийся под стражей бывший начальник контр-разведки Пруденков утверждает, что подсудимые Березовский, Калганов, Башкин, оба Колодуба, Бабенко, Гаврюченко, Самойлов и Элиаде были связаны с контр-разведкой и выдавали активистов-рабочих. По их доносам контр-разведка арестовывала рабочих, приговаривала их к разным наказаниям, а многих и расстреливала.

Свидетели рисуют яркую картину колодубовщины в Шахтинском районе. Жандармско-держимордовское обращение с рабочими, теснейшая связь с

контр-разведкой, предательство рабочих—характерные признаки колодубовщины. Эксплуатацией рабочих Колодубы отличались и до революции: в 1905 году рабочие разгромили его квартиру. После Октября одно время рабочие, возмущенные его обращением с ними, хотели бросить А. Колодуба в шахту. Быть может, мелкий штришок, но характерный: белогвардейцы высоко ценили «подвиги» Е. Колодуба во время гражданской войны, присвоили ему звание почетного казака. Колодубы—тип наиболее отъявленных врагов рабочего класса, жестоко и открыто расправлявшихся с рабочими, и, вопреки занятой ими позиции отрицания своей вредительской деятельности, тип законченных, обнаженных вредителей. Недаром колодубовщина напоминает рабочим жестокую эксплуатацию капиталистического Донецкого бассейна.

Отрицают свою виновность не только Колодубы, отрицает ее подсудимый Напивочников. Приписываемые ему обвинительным заключением конкретные факты вредительства—печальное недоразумение. И установка плохой вентиляции, и сознательная задержка разработки целиков, и игнорирование врубных машин советского производства, и затирание советских изобретений, и получение денег—все это категорически отрицает подсудимый. Уличающие его тут же свидетели не смущают Напивочникова; по его мнению, они это

лесокрадетство делается своего рода подсобным промыслом для местного сельского населения, а важнейшему народному достоянию—лесному фонду будет нанесен колоссальный и непоправимый ущерб.

Ни минуты не сомневаюсь, что в новом законе отнюдь не проводится новый принцип в смысле упразднения в деле борьбы с лесопорубками общего принципа усиления репрессии при повторении преступлений: скорее всего здесь надо видеть законодательный ляпсус, который требует быстрого устранения. По моему глубокому убеждению, в соответствии с общим духом нашего УК повторение лесопорубок должно влечь за собою: 1) повышение штрафа по сравнению с порубкой в первый раз и 2) обязательное, помимо штрафа, назначение порубщику рецидивисту срочного лишения свободы. В законе должно быть ясно и точно сформулировано: во второй или в третий раз, но должны быть исключены такие малоопределенные и растяжимые признаки, как «систематически», «в виде промысла» (новая редакция 85 ст. УК) и т. п., т. к. эти признаки устанавливать на суде чрезвычайно затруднительно, а подчас и невозможно.

Питаю глубокую уверенность, что если оставить в силе существующий порядок наложения взыскания за лесохищения на более или менее продолжительный срок, то от наших лесных богатств, по крайней мере в центральной части СССР через какие-нибудь 6—8 лет останется одно воспоминание в виде срубленных пней и необозримых оголенных песчаных пространств.

Помощник Московского губпрокурора по
Дмитровскому уезду *Бажанова*.

Усилить уголовную ответственность за хищение леса.

Одной из статей особенной части Уголовного Кодекса, подвергшейся за последнее время значительному изменению, является статья 85 Уголовного Кодекса, предусматривающая ответственность за самовольную порубку леса.

Если, согласно 2 ч. 85 ст. УК ред. 1926 года, в уголовном порядке преследовалась самовольная порубка, совершенная на сумму свыше 30 руб., или хотя бы и меньшую сумму, но повторно, то по новой редакции ст. 85 УК («Изв. ЦИК СССР» от 26/1—28 г.), в уголовном порядке преследуется порубка, совершенная на сумму свыше 100 руб. (1 ч. 85 ст. УК), при чем ответственность усугубляется, если «ущерб превышает сто рублей и нарушение совершается систематически или в виде промысла» (2 ч. 85 ст. УК).

Таким образом, выходит, что если кто-нибудь срубил леса сегодня на 10 рублей, завтра на 20 рублей и т. д., допустим, в течение недели, двух, совершит несколько порубок с причинением ущерба в общей сложности на 80 рублей отвечать по суду в уголовном порядке не будет, как не будет привлекаться к суду и гр-н, совершивший порубку сразу на 80 рублей.

А так как, судя по целому ряду дел проходящих через нарсуды, порубки, превышающие 100 рублей, бывают сравнительно редко (да это и понятно, ибо физически затруднительно срубить и похитить такое большое количество леса), то получается, что значительное, подавляющее количество дел о самовольных порубках не будет проходить через суд.

Невозможность применения судебной репрессии к расхитителям леса, подчас злостным порубщикам, создает

делают из-за желания преуменьшить свою вину, рассасывая ее между большим количеством лиц.

У Нашивочникова своя новая черта—всяческое оттирание от работы коммунистов. Он сумел выжить коммуниста Лифшица. Он долго не допускал коммуниста Домненко на подземные работы. Между тем, работа там велась безалаберно. Безобразная разработка, безобразная механическая откатка, установка врубовых машин не на тех слоях, где следовало, игнорирование изобретения рабочего—самонагружалки к скреперу, постоянная порча ее, когда все уже удалось осуществить, несчастные случаи—вот что творилось на шахте у Нашивочникова.

От меньшевиков до атамана Кучумовской банды и вредителя—пусть подсудимого горного техника Васильева. Он также отрицает свою связь с вредительской организацией; грубое обращение с рабочими и снижение расценок—простое совпадение с директивами контрреволюционной организации. Иного мнения держатся о нем свидетели его вредительских актов, его вредной ненужной работы.

Категорически отрицает свое участие во вредительской работе подсудимый Беленко, убеждая суд в своем полном неведении о контрреволюционной организации. Тем не менее, не кто другой, как он, уже из предварительного заключения прислал в ОПУ заявление,

что он может помочь раскрытию злоупотреблений вредительской организации. Березовский и Бабенко уверяют, что Беленко входил в организацию, получал от нее задания, выполнял их, за что получал деньги.

Инкриминируемое подсудимому участие в сокрытии Бессергеньевской проходки обвиняемый отражает заявлением, что, собственно, никакого сокрытия не было, просто он предполагал, что о проходке знают все.

Перед судом колоритная фигура инспектора горного надзора Антонова. Подсудимый даже и не подозревал о возможности вести вредительскую работу. То, что ему приписывается, либо совершенно до него, либо не является вредительством, и нужна еще техническая работа, чтобы выяснить, полезна эта работа или нет. Но вот явный вред, не сознаться в котором не смог подсудимый, нанесен был им на шахте Васильевской: там проводился уклон, вопреки самым элементарным правилам маркшейдерского искусства, так что угленосный пласт был оставлен, уклон искривлен, средства затрачены непроизводительно. Редко когда заглядывал подсудимый в шахты. Зато несчастные случаи на рудниках часто объяснялись виной самих пострадавших, почти никогда не оканчиваясь привлечением к ответственности административно-технического персонала. Не от того ли это происходило, что представитель гор-

ного надзора Антонов, будучи одновременно председателем инженерно-технической секции профсоюза (и членом президиума окрпрофсоюза), не хотел подвергать взысканиям техников. Свидетели думают, что так. Подсудимый обязан был обращать внимание на недостатки в работе рудников округа. Между тем, при посещении проходки им. Красина отсутствие помещения для хранения динамита и зарядки динамитных патронов не остановило на себе внимания Антонова. Ни о разработке на шахтах «Красенькая», «Тагро» и др. рыхлого угля, не находившего себе сбыта, ни о несоответствии подготовительных работ темпу добычи подсудимый рудоуправлению не сообщал. Расследования несчастных случаев производились Антоновым очень небрежно. Из-за обшивки кабеля убивает ток рабочего; Антонов не удосужился даже спуститься в шахту, а написал акт, что смерть рабочего произошла по его собственной вине. Руководимая Антоновым инженерно-техническая секция не задавалась вопросами о неурядицах и непорядках на рудниках, не обращала никакого внимания на большое число несчастных случаев, не думала об угрожающем состоянии наиболее важных машин—ее больше интересовали вопросы семейного, бытового характера. Свидетельские показания разоблачают Антонова не только в производственной области, но и в области обществен-

мнение о безнаказанности, способствует увеличению количества хищений и т. д.

Вот почему новая редакция ст. 85 УК нежизненна. Нам кажется, что наиболее удачной, наиболее жизненной являлась редакция ст. 85 УК 1926 г.; устанавливая несомненно правильный, с точки зрения опасности лесонарушения, размер ущерба (30 руб.), 2 ч. 85 ст. УК ред. 1926 г., устраняла тем самым возможность создания уголовных дел по незначительным, ничтожным лесопорубкам. Было бы несомненно целесообразным для усиления борьбы с отдельными, наиболее крупными, злостными порубщиками, ввести в санкцию 2 ч. 85 ст. УК (ред. 1926 г.), помимо штрафа и принудительных работ, еще другой вид меры социальной защиты—лишение свободы.

Член губсуда *Генкин*.

гор. Калуга.

Советское законодательство.

(Обзор за время со 2 по 8 июня 1928 г.).

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР.

Судоустройство.

1. Пост. ЦИК и СНК СССР от 25 апреля об изменении ст. 13 основ судоустройства СССР и союзных республик («С. З.» № 25, ст. 216). Законодательствам союзных республик предоставлено право установить, является ли Прокурором Республики Нарком Юстиции или его заместитель (см. С. З. 1924 г., № 23, ст. 203).

Хозяйство.

2. Пост. СНК СССР от 1 июня о мерах к упорядочению капитального строительства промышленности и электростроительства («Изв. ЦИК» от 2 июня, № 127) издано в целях упорядочения планируемого строительства, электростроительства и повышения их эффективности. Госплану СССР поручено при составлении перспективного плана народного хозяйства особо выделить в качестве основной проблемы все

вопросы капитального строительства по каждой отрасли народного хозяйства, разработать перспективный план технико-экономических изысканий и проектирования в крупнейших отраслях строительства, в своей планирующей работе исходить из необходимости максимальной концентрации средств на строительство, а также учитывать с наибольшей полнотой опыт и результаты произведенного и производимого капитального строительства. Основные работы по капитальному строительству должны быть включены в контрольные цифры народного хозяйства и полностью обеспечены средствами и импортными контингентами. Предусмотренный годовым планом объем капитальных работ является минимальным для следующего года. На ближайший год минимальный объем работ установлен в размере 1.560 милл. рублей. В главных управлениях ВСНХ образуются особые отделы, ведающие соответствующими отраслями капитального строительства. Отделы эти состоят в непосредственном подчинении начальников главных управлений, либо их заместителей. Наиболее крупное строительство осуществляется специально организуемыми строительными управлениями или монтажно-строительными органами. В случае невозможности передачи строительства строительным организациям, оно поручается соответствующим трестам. Последние в таком случае организуют особые строительные ячейки. Признано целесообразным перейти от хозяйственного способа ведения строительства к подрядному через государственные строительные организации с производством работ из материалов как подрядчика, так и заказчика. Выполнение работ хозяйственным способом допускается лишь в случаях явной целесообразности или вынужденной необходимости.

Постановление посвящает особое внимание вопросам проектирования и экспертизы строительства, а также использования заграничного опыта и достижений иностранной техники.

Финансы.

3. Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 мая о государственном сборе с биржевых сделок на нужды промышленно-экономического образования («Изв. ЦИК» от 3 июня, № 128) устанавливает со всех сделок на сумму свыше 50.000 рублей государственный сбор в размерах от 0,03%—0,04% на Московской товарной бирже и в размере 0,02% на прочих биржах. Сбор этот взимается независимо от сбора за запись биржевых сделок. С фондовых биржевых сделок сбор не взимается. Поступления сбора проводятся по бюджетам союзных респу-

ной работы. Так, фигура экономического вредителя, прикрытого лоском фразы и общественности, вырисовывается на явь при свете свидетельских показаний.

Суду дает показания подсудимый Элиадзе, тот самый, который огульно обвинил все старое инженерство в антисоветских настроениях. На суде он избрал иную тактику. Он не признает себя виновным. Вот если бы ему предъявили обвинение в ненормальной работе, то он бы согласился с этим. Но вредительство—он им не занимался. Однако, им был сохранен под водой затопленный второй пласт на Ропште, такой же пласт на шахте № 2 на Макарьевском руднике, и вся Ново-Азовская шахта. Сделано все это было по совету Березовского и Калганова. На суде еще раньше был разоблачен техник Куркин, как агент контр-разведки и белогвардейский шпион. Элиадзе вынужден признать, что Куркин убежал с рудника, т. к. у него произошло весьма печальное недоразумение: он вложил в ствол шахты снаряд с динамитом, хотел взорвать его, рабочие это заметили, предупредили катастрофу и принялись за Куркина, тот бежал... к Элиадзе на Чиатуры (Кавказ) с письмом от Самойлова. Элиадзе о «случае» с Куркиным знал, тем не менее на работу его устроил. Элиадзе признается, что антисоветски настроен он был с 20 по 22 год. Но Куркина он устроил на ра-

боту в 25 году, после «перелома» настроения. Припертый к стене перекрестным допросом Элиадзе вынужден признаться во вредительских действиях. На вопросы суда о предъявленном им обвинении старой технической интеллигенции Элиадзе неохотно соглашается, что это неправда, что он «прошлое технической интеллигенции перенес на настоящий момент».

Другую фигуру разрушителя являет подсудимый Башкин. Он был вынужден работать у «варваров-большевиков». Рабочие прежде обсудили, допускать ли его к работе, и решили, что он сумеет быть полезным. Но Башкин с первых же дней не оправдал доверия. Если он и не состоял во вредительской организации, то старался по мере возможности папакостить. Приложил он свою руку и к разрушению подковного завода, и к разрушению фенолового завода, и к демонтажированию брикетного завода. Все это им делалось под предлогом усиления за счет этих предприятий каких-то других, которые будто бы являются более важными. Это, конечно, был блеф. Подсудимый признает себя виновным в расхищении котельной несоответствующими котлами, в установке турбины несоответствующей мощности и других вредительских актах. У подсудимого связь с главным правлением АЭГ (Германия), поставлявшим электрооборудование для Донбасса. Ему было известно, что за границей есть группа, ко-

торая очень «интересуется» работами в Донбассе. В 27 году приехал на рудники инспектор АЭГ Вегнер для проверки правильности монтажа турбины. Вегнер привез Башкину от его брата, работающего в АЭГ, письмо с рекомендацией связаться с вредительской организацией в Шахтинском районе. На глазах у подсудимого Вегнер вынул при осмотре контроллера шпильку из валика, что привело машины к аварии. Он же рекомендовал Башкину плохо смазывать машины для ускорения их изнашиваемости и порчи. Затем приехал монтер подсудимый Майер. С первых же слов Башкин и Майер поняли друг друга: Майер показал, каким образом машина может быть повреждена. Не совет, как уберечь машину, а пояснение, как нанести турбине вред. К рабочим Башкин относился плохо, ругал, и даже побои были нередким явлением. По показаниям свидетелей, Башкин выдал белогвардейцам рабочего-революционера, поддерживал тесную связь с белогвардейцами, давая ей сведения, и т. д. Выясняется, что работа по проходке шахты им. Бухарина велась нерационально дорого; Башкин даже говорил об этом главному инженеру подсудимому Кузьме, но тот отвечал: «ничего, хозяин богатый, нужно проложить электрической энергией». Подсудимый получал деньги от Кузьмы. Кузьма ему говорил о необходимости создать у Донугля впечатление о якобы

блик и расходуются на нужды промышленно-экономического образования.

В соответствии с изложенным постановлением изменена редакция лит. «к» пункта 1 ст. 16 положения о бюджетных правах СССР и союзных республик от 25 мая 1927 года («С. З.» 1927 г. № 52, ст. 521).

4. Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 мая о льготах для строительства сооружений, предназначенных для обслуживания культурно-просветительных нужд рабочих и служащих («Изв. ЦИК» от 8 июня, № 131). Льготы для строительства рабочих жилищ, установленные статьями 28, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 38 положения о мерах содействия строительству рабочих жилищ от 15 июня 1927 г. («С. З.» 1927 г. № 36, ст. 369) распространены на строительство сооружений, предназначенных для обслуживания культурно-просветительных нужд рабочих и служащих: рабочих клубов, стадионов, водных станций и т. п. В соответствии с этим исключаются из облагаемой подоходным налогом прибыли также суммы, израсходованные государственными предприятиями и акционерными обществами с фактическим преобладанием государственного капитала на сооружение указанной категории (см. «С. З.» СССР 1928 г., № 1, ст. 3).

5. Пост. СНК СССР от 17 апреля об изменении положения о комитете государственных заказов («С. З.» № 25, ст. 220). План работы комитета, согласованный со всеми ведомствами и учреждениями, в нем представленными, при отсутствии возражений со стороны Госплана в течение двух недель со дня его представления вступает в силу и не вносится в СТО. Необходимые поправки вносятся в план заказов в соответствии с утвержденными сметами; комитет госзаказов в двухнедельный срок устанавливает окончательный годичный план заказов и обязывает стороны в определенный срок заключить соответствующие договоры, предусматривающие объекты заказов, цену, порядок и сроки выполнения, сдачи, акцептации, оплаты и авансирования заказов. Кроме того, комитет имеет право разрешать сторонам до утверждения бюджета производственных планов промышленности и окончательного годового плана государственных заказов заключать договоры по тем заказам, в отношении которых имеются основания полагать, что они будут обеспечены бюджетом и состоянием промышленности. О всех тех заказах, в ходе выполнения которых или в расчетах по которым наблюдаются неисправности или задержки, не могущие быть устранены распоряжением комитета, доклады-

вается в Совет Труда и Оборона (см. «С. З.» 1926 г. № 40, ст. 292).

Труд.

6. Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 мая об изменении и дополнении пост. ЦИК и СНК СССР от 9 ноября 1927 г. о компенсациях при переводах и при найме на работу в другие местности («Изв.» от 8 июня, № 131). Соглашением сторон разрешается вопрос о выплате заработной платы вновь назначенным на работу в другие местности рабочим и служащим за время до прибытия их к месту работы. Обязательно выплачиваются стоимость проезда и провоза имущества и суточные рабочим и служащим, переводимым в другие местности, в связи с выдвиганием на ответственную работу по инициативе соответствующих профессиональных или общественных организаций либо местных советов или секций последних. Единоновременное пособие выплачивается им лишь по соглашению. Заработная плата лицам, вновь назначаемым на ответственную работу в порядке выдвигания выплачивается со дня прекращения работы в случае, если они работали по найму до назначения, и по соглашению в остальных случаях.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Финансы.

1. Пост. СНК РСФСР от 29 мая о дополнении пост. СНК РСФСР от 23 мая 1928 г. об исчислении единого сельскохозяйственного налога в 1928/29 г. в Северо-Кавказском крае по таблице ставок, предусмотренной ст. 30 положения о едином сельскохозяйственном налоге («Изв.» от 2 июня, № 127). На Кубанский и Армавирский округа распространены порядок исчисления сельскохозяйственного налога по таблице ставок, построенной на обложении суммы дохода, приходящейся на каждого едока в хозяйстве.

2. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля о дополнении ст. 96 положения о местных финансах РСФСР («Изв.» от 3 июня, № 128). В случае, если фактическое взыскание недоимок налогов и местных к ним надбавок производится на территории не той единицы, финансовые органы которой исчислили соответствующие оклады, отчисляется в бюджет местного исполкома по месту взыскания 25% взысканной надбавки.

производимых на Власовском руднике больших работах, на деле же тормозит развитие производства. С Кузьмой он откровенничал. Кузьма, по его словам, ездил даже за границу отчитываться о вредительской работе. По мнению Башкина, главные директивы о вредительстве исходили от подсудимого Горлецкого.

Неладное начинает твориться на шахте им. Артема, когда туда был назначен главным инженером Кузьма, а главным механиком Башкин, горными же работами заведует подсудимый Овчарек. Пошла какая-то вакханалия в области механизации. Подсудимый Горлов, помощник заведующего шахтой, утверждает, что механизировалось все, что попадется на глаза, явно нецелесообразно, невыгодно. Иногда бывал наружный эффект, за которым, однако, скрывалось снижение качества угля, рост себестоимости. Подсудимый уверяет, что доказывал Кузьме вред такой механизации. Но Кузьма человек властный, не терпящий возражений: из разговоров ничего не вышло. Попытки подсудимого довести об этом до сведения высшего начальства привели к тому, что Кузьма его предупредил о возможности в таком случае увольнения. В результате работы шахты при Кузьме добыча с обычных 50 процентов плиты антрацита, опустилась до 35%. Уголь из сортировки стал выходить в худшем виде, чем приходил. И при

таких «достижениях» в производстве некоторые инженеры стали получать от Кузьмы премии. В их числе был и подсудимый Горлов, проводивший по заданию Кузьмы работу, о вреде которой для хозяйства он знал, и тем не менее продолжал ее выполнять.

Перед судом Кузьма. Он целиком отвергает все приписываемые ему преступления. Работа его на Щегловском, Власовском и Несветайском рудниках не только не носила вредительского характера, но, наоборот, была, по его словам, в высшей степени полезна. Будучи членом рабочего правления Щегловского района, он восстановил Пастуховскую шахту. Странное стечение обстоятельств — восстановление и прекрасное оборудование этой шахты вполне отвечало желаниям старых хозяев ее, о чем Кузьме в свое время говорил подсудимый Детер. Кузьма не отрицает этого разговора, но ведь это простое совпадение, простая случайность. Одновременно были затоплены шахты Берестово-Вотодуховская, № 14 и Григорьевская. Кузьма утверждает, что первая из них дышала на ладан, не покрывала своей собственной потребности в топливе, а ряд свидетелей уверяет суд в противоположном, что шахта была ценной, могла рентабельно работать, что не было никакого смысла допускать затопление этой шахты. На второй же шахте не было собственных насосов для откачки, откачка произво-

дилась специальной клетью под подъемником. Стоило подъемнику остановиться — и шахта затопилась. Так и случилось с ней, когда у подъемника испортился канат, а другого достать не удалось. По мнению подсудимого, такое затопление было совершенно неизбежно в условиях материальных неурядиц того времени. Между тем, в свое время по поводу этого затопления было произведено расследование, закончившееся смещением всего кустового правления.

Обвинение в умышленном ухудшении качества продукции в то время, когда он работал во Власовском рудоуправлении, подсудимый считает «техническим недоразумением». Переход к выдаче угля из шахты рядовым без выделения плиты, что понизило выход высококачественного антрацита, подсудимый поясняет ссылками... на новейшую техническую мысль, на мировую экономику. Уменьшение добычи плиты, по словам Кузьмы, компенсировалось увеличением добычи других сортов — кулака и штыба. Но тут же выясняется, что половина добычи штыба потреблялась на собственные нужды, а половина выбрасывалась как негодный хлам. Устанавливается, что введенная Кузьмой система разработки шахты им. Артема привела к уменьшению добычи лучшей продукции и к ухудшению качества продукции из-за плохой сортировки. Правление Донугля подтверждает плохое качество штыба, а подсудимый Горлов

3. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля об изменении примечания 3 к п. «б» ст. 102 положения о местных финансах РСФСР («Изв.» от 3 июня, № 128), издано на основании соответствующего постановления союзных органов. Если в составе районных, волостных и соответствующих исполкомов выделяются по требованию Наркомвоенмор специальные отделения, части или делопроизводители, ведающие исключительно военными делами, содержание их относится на смету военного ведомства.

4. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 30 апреля о дополнении ст. 111 положения о местных финансах РСФСР («Изв. ЦИК» от 3 июня, № 128). На местные средства в числе прочих расходов по сельскому хозяйству отнесены расходы на усиление средств по образованию фондов кредитования деревенской бедноты.

5. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая об изменении ст.ст. 42, 95, 100, 104, 126, 127, 130, 130¹, 131, 131¹, 133, 134, 136, 138, 139, 146 и 147 положения о местных финансах РСФСР («Изв. ЦИК» от 6 июня, № 129), издано в связи с переводом госнотариата на содержание по государственному бюджету. В связи с этим и поступления нотариальных средств направляются в госбюджет. В последний направляются сборы за нотариальные действия, взимаемые не только государственными нотариальными конторами, но и народными судами, волостными, районными и соответствующими им исполкомами, сельскими советами и другими подлежащими учреждениями, состоящими на местном бюджете. Однако, все эти сборы, за исключением сборов, взимаемых нотариальными конторами, отчисляются в размере 100% поступлений в доход местных бюджетов. На местные же бюджеты возложено содержание парсулов вместе с состоящими при них судебными исполнителями, а также расходы, связанные с выполнением нотариальных функций учреждениями, состоящими на этом бюджете. Кроме того, к сбору за нотариальные действия, независимо от того, каким органом они совершаются, установлена надбавка в пользу местных средств в размерах не свыше 200% по нотариальному удостоверению сделок об отчуждении строений и права застройки и 100% по совершению остальных нотариальных действий. Все перечисленные статьи положения о местных финансах подверглись редакционной переработке в связи с установлением нового порядка направления сумм нотариальных сборов и содержания учреждений, совершающих нотариальные действия.

6. В связи с тем же переводом содержания нотариата на государственный бюджет издано также пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая об изменении статей 30 и 101 положения

о судеустройстве РСФСР («Изв.» от 6 июня, № 129). На средства местных исполкомов относятся содержание народных судов, включая вознаграждение, уплачиваемое народным судьям и служебному персоналу народного суда, и расходы по выполнению народными судьями нотариальных действий. Содержание же государственных нотариальных органов (нотариальных контор и нотариальных отделов и п/отделов наркоматов юстиции РСФСР и автономных республик и нотариального отделения Высших Юридических курсов) относится на государственный бюджет по сметам наркоматов юстиции.

Постановление вводится в действие с 1 октября 1928 года.

Кооперация.

7. Пост. СНК РСФСР от 30 марта о порядке регистрации потребительских обществ и их союзов («Изв. ЦИК» от 6 июня, № 129) распространяет на эти общества и союзы действие положения о торговой регистрации. При этом применяются специально следующие правила. В порядке основной регистрации вносятся в торговый реестр сведения о дате регистрации, о фирменном наименовании регистрируемой организации, о размере вступительного и паевого взноса, о количестве членов, о размере дополнительной ответственности членов, о местонахождении правления, а в отношении союзов потребителей и потребителей в городах также о составе правления. В порядке текущей регистрации в торговый реестр вносятся сведения об изменении и дополнении перечисленных данных, а также отметки о наименовании и местонахождении отдельных торговых предприятий, принадлежащих зарегистрированной организации, об изменениях и дополнениях устава и о прекращении организации. Регистрация потребителей производится губторготделами и соответствующими отделами в областных и краевых объединениях. Заявления о регистрации подаются не позднее двух недель со времени наступления фактов, подлежащих регистрации. До регистрации потребительских обществ и их союзов представленные данные рассматриваются отделами торговли с участием представителя соответствующего союза. Правило об основной торговой регистрации не распространяется на потребительские общества и их союзы, уже зарегистрированные на основании постановления СНК РСФСР от 21 ноября 1924 г. о порядке регистрации потребителей и их союзов («С. У.» 1924 г. № 89, ст. 894). Сведения о них переносятся в торговый реестр на основании сообщений комиссий по регистрации при местных отделах торговли и центральной комиссии по регистрации союзов потребителей при Нарком-

подтверждает ухудшение сортировки при Кузьме. Если подсудимый игнорировал новый пласт «Кадамовку», то только потому, что пласт этот не представляет ценности. И здесь свидетельские показания говорят обратное, и утверждают, что пласт не разрабатывался по предельным соображениям. Кузьма не признает себя виновным и в расхищении оборудования подковного, фенолового и гвоздильного заводов. Приемку негодных для работы на твердых зарубках машин Кнаппа, для чего они были выписаны, подсудимый объясняет недопустимостью отправлять машины обратно, не найдя им приложения на мягких пластах. Но подсудимый Горлов утверждает, что для легких пластов литеры 6 они были совершенно не пужны. Кузьма же выдал представителю фирмы Кнаппа Зеебольду акты о пригодности машин. Но Кузьма и здесь изворачивается: в акте же ведь не было указано о пригодности, на каких именно пластах. Не пригодность этих машин засвидетельствована в особом акте подсудимым Бадштибер, работавшим от фирмы по установке врубовых машин. В ответ на это приехал инженер Кесслер, который выругал Бадштибера и за акт, и за то, что он во время не «смазал» кого следует, теперь же придется дать Кузьме 2.000 р. Представитель фирмы Зеебольд также говорил

Бадштиберу, что Кузьма получил 2.000 р. за приемку негодных машин. Кузьма отрицает это. Кузьма утверждает, что вообще он в организацию не входил, об ее существовании ничего не знал, никаких денег не брал. Между тем, целый ряд подсудимых уличает Кузьму, заявляя, что он был членом вредительской организации. Березовский подтверждает, что за 25 и 26 г.г. им было передано Кузьме до 30.000 р., предназначавшихся, главным образом, для материального заинтересования работающих на местах техников, с целью привлечь их в организацию. Подсудимый Братановский утверждает, что Кузьма состоял членом организации и выполнял задания организации об антисоветской пропаганде среди технического персонала рудоуправления. Свидетели рисуют Кузьму как человека очень настойчивого и изворотливого. Сам Кузьма объясняет все это оговором: он, де, самый молодой из инженеров Донбасса, заметно выделялся на общем фоне работников Донбасса,—вот и причина оговора. Их же вредительской деятельности он не замечал, считая недостатки в работе проявлением общей халатности многих инженеров угольной промышленности.

Своеобразные показания дает подсудимый Овчарек. Его обвиняют подсудимые Горлов и Башкин. Но Горлов

сам себя не считает членом организации, значит, он не может знать, состоял ли Овчарек в ней, а Башкин хороший механик, но никуда негодный горняк, он не может понимать, вредны или нет действия Овчарека. Овчарек просит суд не верить ни тому, ни другому, сам же он не признает себя виновным. Подсудимый Горлов подтверждает, что он считал Овчарека активным вредителем. С его приходом на шахту им. Артема вредительские действия приобрели больший размах, чем до тех пор. Горлов считает никуда негодной проведение системы «Ви» на Мелиховском пласту, но Овчарек доказывает, что эта система во время угольного голода была хороша, позволяя быстрее добывать уголь. Башкин заявляет, что он также считал Овчарека членом организации, но получал ли он от нее деньги, об этом Башкин говорил на предварительном следствии только предположительно. Свидетели говорят о вреде системы «Ви», вызывающей большое количество несчастных случаев, о ряде вредительских действий, особенно в области механизации и перегрузки электровозов на откатке на шахте им. Артема в бытность там Овчарека.

(Продолжение следует)

С. Зайцев.

торге РСФСР. Наркомторгу РСФСР предоставлено право выносить постановления о ликвидации союзов потребительских обществ в случае обнаружения уклонения их от указанной в уставах цели или в сторону, противную интересам государства. Постановления эти вступают в силу по утверждению их СНК РСФСР. Такое же право в отношении потребительских обществ предоставлено торговцам с утверждения соответствующих исполкомов. Соответствующие изменения внесены в нормальные уставы потребительских и союзов потребителей.

Сельское хозяйство.

8. Пост. ЭКОСО РСФСР от 26 января утверждено положение об экспертном совете при Центральном Статистическом Управлении РСФСР по оценке продукции сельского хозяйства и по определению баланса продукции сельского хозяйства РСФСР («С. У.» № 25, ст. 187).

9. Пост. ЭКОСО РСФСР от 9 февраля о порядке и размерах контрактации зерновых и технических культур по РСФСР в 1927/28 г. («С. У.» № 26, ст. 194), устанавливает размеры контрактации посевов отдельных культур по различным районам: по льну-волокну, по семенному льну, по масличному льну-семени, по подсолнуху, по клещевине, по горчице, по сое, по зерновым бобовым, по хмелю, по кенафу, по кукурузе, по ячменю для пивоварения, по садовым фруктам, по лекарственным травам, по картофелю и по шерсти. Установлены размеры авансирования на гектар в зависимости от культуры. При осуществлении контрактации она связывается с выдачей улучшенных семян, удобрений, средств для борьбы с вредителями. Обусловливается также обязанность производителя по применению улучшенных средств обработки почвы и ухода за растениями, а также очистки и обработки сдаваемой продукции. Размеры авансирования отдельных хозяйств в пределах средних по району норм устанавливается различие для хозяйств—бедняцких, пользующихся льготами по сельхозналогу или не имеющих собственного скота и инвентаря, хозяйств, не отвечающих этим условиям, и хозяйств повышенного типа. При распределении минеральных удобрений и жмыхов среди крестьянского населения, они в первую очередь выдаются хозяйствам, привлеченным к контрактации. Последнее проводится по общему правилу через систему сельско-хозяйственной кооперации путем заключения генеральных соглашений. Лишь по тем культурам и в тех районах, по которым кооперативные центры не принимают на себя обязательств, допускается заключение договоров отдельными заводами и государственными заготовителями с местными кооперативными организациями.

Промышленность.

10. Пост. ЭКОСО РСФСР от 21 января о промышленном использовании кендыря (кенафа) («С. У.» № 25, ст. 185) признает, что в результате произведенных опытов окончательно выявились высокие качества кендырного волокна и возможность его широкого использования для промышленного прядения, а также для других надобностей. На ряду с использованием дикорастущего кендыря, обращается внимание на искусственное его разведение в районах его естественного произрастания (Казахстан, Киргизия, Северный Кавказ).

Лесное хозяйство.

11. Пост. ЭКОСО РСФСР от 29 декабря о развитии разработки леса лесозаготовительными п/отделами краевых, областных и губернских лесных отделов и об упрощении отпуска леса на корню («С. У.» № 7, ст. 200).

Разные.

12. Пост. ЭКОСО РСФСР от 21 января о ликвидации Северо-Западного областного экономического совещания («С. У.» № 25, ст. 182) издано в связи с образованием Ленинградской области.

13. Пост. СНК РСФСР от 28 февраля о порядке избрания представителей ученых учреждений РСФСР в комиссию по рассмотрению кандидатур в действительные члены Академии Наук СССР («С. У.» № 28, ст. 208).

М. Брагинский.

По Союзным Республикам.

Деятельность органов юстиции Таджикистана.

Организация НКЮ Таджикской Автономной Республики и его органов на местах относится к февралю 1925 года.

В районах бывшей восточной Бухары, вошедшей после национального размежевания Средней Азии в состав Таджикистана, судебные функции находились в руках института казиев, рассматривавших уголовные и гражданские дела по законам шариата и адата. Правительство Бухарской Советской Народной Республики ставило себе задачей постепенную ликвидацию казийских (шариатских) судов путем изъятия всех более важнейших групп дел уголовного характера и передачи их ревтрибуналу, однако, к моменту нацразмежевания и образования ТАССР казийская система существовала почти нетронутой.

Необходимость существования казийских судов в вилайетах (областях) вызывалась целым рядом местных условий как-то: культурная отсталость и неграмотность населения, находившегося под влиянием байства (кулаков), духовенства, существование басмачества (политические банды, руководимые эмиром бухарским), которое боролось против Советской власти с лозунгами защиты веры ислама, а главное непонимание и неусвоение населением советского законодательства, отсутствие достаточного количества нарсудов все это диктовало на неопределенное время оставление института шариатских судов, которых в начале 1926 г. было 23, на ряду с существовавшим тогда 1 окрсудом, 3 нарсудами, 4 следучастками и 2 вилайетскими прокурорами. За 1925 год сеть судебных учреждений возросла и к концу 1926 года ТАССР обслуживали: 4 окрсуда, 13 нарсудов, 17 следучастков и 6 вил-прокуратур. В июле 1927 года последовала реорганизация судебных учреждений, в результате которой судебная сеть подверглась следующим изменениям: функции реформированного отделения Верховного УзССР были переданы Узбекскому Верховному суду, вместо окрсудов был организован главный суд, количество нарсудов и следучастков подверглось увеличению—народные суды до—21, участки народных до—19 и вилпрокуратур до—7, в том числе и прокуратура Горно-Бадахшанской Автономной Области (Памир). С 1 января 1928 года в вилайетских центрах народный судья является одновременно и председателем постоянной сессии главсуда, рассматривающим также в качестве суда 1 инстанции уголовные дела подсудные главсуду.

Условия работы органов юстиции Таджикистана продолжают оставаться чрезвычайно тяжелыми—вследствие бездорожья, разбросанности населения, тяжелых материальных условий, отсутствия необходимых помещений и материальной обстановки и отсутствия работников. Положение с личным составом, несмотря на его качественное улучшение, в настоящее время тоже продолжает оставаться чрезвычайно острым. Велика также текучесть личного состава. Органы юстиции как в центре, так и на местах обеспечены достаточным представительством националов. НКЮ и главсуд—28%, прокуратура—26% и низовые суд.-след. органы—94%.

По отношению к старым казийским судам НКЮ был взят курс на их ликвидацию и увеличение сети народных судов, особенно в местах нахождения казийских судов. Уголовные дела были совершенно изъят из подсудности казия, гражданские ограничены исками до 500 рублей. Население Таджикистана чутко отозвалось на организацию советского суда, что выражалось в отказе от обращения к казийскому суду. Имущественно слабые элементы видели в суде гарантию от притеснения и целиком перешли на сторону советского суда. Так в Дюшамбе в конце 1927 года был закрыт последний участок казийского суда по просьбе самого казия за отсутствием в его участке дел. В этой области советского строительства большое значение имела общественно-воспитательная сторона нашего суда, его классовый подход к разрешению судебных споров и, наконец, полная беспристрастность советского судопроизводства на ряду с поборами казиев. Конечно, пока действовали казийские суды, принимая к своему производству уголовные (до 1926 г.) и гражданские дела, нельзя было говорить о внедрении ревзаконности.

Авторитет судорганов ныне достаточно поднят, это подтверждается и тем обстоятельством, что в нарсудах встречаются такие дела, как с исками в 2—3 рубля, и что теперь дехканство (крестьянство) в особенности охотно подает свои дела в суд, чего раньше в 1925/26 и частично в 27 году не было. В целях приближения суда к населению по мере накопления дел организовывались в отдельных районах выездные сессии. Такие сессии по недостатку денежных средств

все же устраивались, особенно в период басмаческого фронта. Другим методом приближения суда к населению является устройство показательных процессов. Сессии используются одновременно для пропаганды права посредством постановки докладов на правовые темы, приема жалоб от дехкан. Прокурор сессии одновременно производит обследование районных, туменных (уездных) органов милиции и уро, а также и сельсоветы. Для улучшения качества работы низовых судебных органов, помимо непосредственного и всякого рода инструктажа, пропуска низовых работников через юридкурсы, пленум главсуда периодически в плановом порядке вызывает и заслушивает доклады как нарсудов, так и нарследователей, давая указания для дальнейшего улучшения их работы.

В отношении процента отменяемости как решений (58%), так и приговоров (45%) народных судов еще и сейчас обстоит плохо. Прекращение уголовных дел достигает 30—35%. Процент оправданных тоже высок.

Главной причиной плохого качества работы нарсудов является низкая квалификация судебных работников и отсутствие кодексов на таджикском языке. Наши народные судьи и следователи в большинстве случаев дехкане, они еще новички в судебном деле. Причина это несомненно носит временный характер; с поднятием общего культурного развития в стране поднимается и квалификация судработников. К главным недостаткам судопроизводства нужно отнести слабость следственного аппарата и внутренние болезни судебного, как-то: затяжка разбора дел и слабая борьба с должностными, хозяйственными и бытовыми преступлениями и т. д.

В 1927 году в октябре месяце в целях выявления работы, улучшения низовых судебных аппаратов было создано в гор. Дюшамбе первое совещание работников юстиции Таджикистана, которое прошло довольно удачно. В октябре текущего года будет создано второе такое же совещание. Большое внимание уделяется также участию женщин в судебной работе для подготовки их; в некоторых вилайетских центрах по согласованию с женотделом функционируют под руководством судработников юридические кружки для делегатов. Из них же женщины привлекаются для практической работы в суде в качестве нарзаседательниц, общественного обвинителя и т. д.

Центральная прокуратура в целом и аппарат на местах, как пожалуй ни в одной Советской республике, имел в прошлом, да и сейчас еще имеет слабый прокурорский аппарат. Состав его, как и состав судследорганов в прошлом укомплектовывался беспланово, бессистемно, без предварительной проверки не только знаний, но и личности, что давало иногда возможность проникать в наш аппарат не только лицам, не имеющим ни малейшего понятия о прокуратуре и суде, но даже и уголовным элементам и всякого рода проходимцам и авантюристам, которые ехали в Таджикистан, чуя, что здесь в организационный период можно хорошо нажиться. Вот этот состав работников органов суда и прокуратуры не только не внедрял ревзаконность, но и разлагал наш аппарат, действуя деморализующе на остальной более или менее пригодный личный состав. Из приглашенных в 1925/26 году сотрудников один оказался прокурором старого времени, второй полицейским, а третий одно время, исполняя обязанности Наркома Юстиции и Прокурора Республики, одновременно совмещал и должность судисполнителя в корыстных и личных целях, производя продажу описанного по суду имущества и оказался старостой одной из церквей гор. Ташкента. Впоследствии НКЮ такие элементы выявил и часть из них, ответственных работников, около 15 человек отдал под суд за разного рода злоупотребления.

Низовой прокурорский аппарат зачастую не знал ни своих прав, ни обязанностей, ни об'ема надзора за деятельностью советских, хозяйственных и других учреждений с точки зрения законности их действий, что иногда приводило к всевозможным недоразумениям. Так бывали случаи на местах, что некоторые вилайетские исполкомы и админи-

стративные органы рассматривали прокуратуру, как отделы исполкомов, а лиц в ней работающих, как подчиненных. Всякое действие лиц прокурорского надзора якобы должно исходить с разрешения исполкома и никаких требуемых прокуратурой сведений в порядке надзора не давалось, что в свою очередь ставило НКЮ в положение слепого, так как никакого статистического материала о работе мест не имел. Отсюда можно заключить, как мог центральный аппарат осуществлять практическое руководство местами. Подводя итоги деятельности прокуратуры в Таджикистане по внедрению ревзаконности, мы можем кратко охарактеризовать эту работу в прошлом двумя словами: никакой работы в этой области прокуратурой не сделано. Это определялось тремя основными моментами: объективными условиями Таджикистана (басмачество, запоздалая советизация отдаленности, плохие средства сообщения и т. д.); невнимательным, небрежным подбором сотрудников, без предварительной их проверки, что давало возможность проникновению не только лицам, юридически абсолютно неграмотным, но и уголовным преступникам; отсутствием надлежащего твердого руководства со стороны центральной прокуратуры, выразившимся в совершенном незнании местных условий, незнании периферии и невыезде работников центральной прокуратуры на места, почему живой инструктаж был только в теории. Нужно сказать, что недостаточность средств также не давала возможности развернуть работу в низах.

Вот при таком-то положении вещей прокуратура до 1927 года проводила в жизнь внедрение ревзаконности. В настоящее время безусловно сдвиг работы в этой области имеется. И центральная прокуратура уже располагает цифрами и материалами о работе периферии. Эти цифры говорят за то, что какая-то работа прокуратурой ведется, что прокуратура начала оживать. Подбор работников стал более тщательным, текучесть состава уменьшилась значительно. Учет работы имеется. Единственно, чем прокуратура продолжает страдать,—это отсутствием твердого кадра опытных работников. Оравнивая работу 1926 и 27 годов, можно заметить некоторое улучшение, но это все недостаточно. Мы все еще не можем выбраться на ровную дорогу. Вся та работа, которая проделана, чрезвычайно незначительна.

В области общего надзора прокуратура ТАССР держится метода ударности, сосредоточивая в определенный период времени внимание на том или ином участке фронта своей деятельности. Одним из вопросов, не потерявшим свое значение и сейчас, является не достигшая еще нормального, удовлетворительного положения работа органов дознания, особенно на местах.

Отношения трудящихся масс к представителям прокурорского надзора с первых же шагов его деятельности были весьма сочувственны. Характерным показателем здесь служит из года в год увеличивающееся количество жалоб, подаваемых в органы прокурорского надзора со стороны широких масс населения. Это сочувствие в настоящее время вылилось в прочную связь прокуратуры с трудовыми массами. Связь эта растет и укрепляется, большую помощь в своей деятельности прокурорский надзор получает от сельских, с которыми налаживается тесный контакт. Дальнейшая работа суда и прокуратуры в области внедрения ревзаконности намечается в соответствии с общими задачами, которые ставят себе в текущий период Партия и Советская власть. На основе проделанного, правда, незначительного опыта работы, на четвертом году существования и первом году мирного строительства Таджикской республики НКЮ будет продолжать свое дело, главным образом, к углублению работы в области укрепления ревзаконности среди масс кишлачного населения.

Зам. Нар. Ком. Юстиции Таджикской АССР Курашев.

Гор. Дюшамбе.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: ЦИРКУЛЯРЫ НКЮ: №№ 84 и 85.—Раз'яснения Пленума Верховсуда.

Циркуляры НКЮ.

Циркуляр № 84.

Начальникам административных отделов краевых, областных и губернских исполкомов.

Копия для сведения—НКВД союзных и автономных республик.

Об ограничении права пользования оружием в отношении лиц, привлеченных к ответственности за хулиганство.

В соответствии с правилами приобретения, хранения и пользования охотничьим и спортивным оружием, предусмотренными постановлением СНК РСФСР от 8 октября 1927 г. («С. У.» 1927 г. № 104, ст. 699) и изданной НКВД инструкцией от 3 мая 1928 г. за № 153 по применению указанного постановления (Бюлл. НКВД 1928 г. № 15), предлагается в отмену ст.ст. 11, 12, 13 и 14 инстр. НКВД и НКЮ 1927 г. № 42/27 по борьбе с хулиганством (Бюлл. НКВД 1927 г. № 5), принять к руководству следующий порядок при проведении административными органами в жизнь мероприятий, направленных к ограничению права пользования огнестрельным и холодным оружием в отношении лиц, привлеченных в судебном или административном порядке к ответственности за хулиганство.

1) При привлечении к ответственности граждан за совершение хулиганских проступков с применением огнестрельного или холодного оружия органы милиции, независимо от того, имеются ли у названных граждан соответствующие разрешения на право хранения и пользования этим оружием или нет, отбирают такое оружие и разрешения на него, если таковые имеются, и приобщают отобранное оружие к делу в качестве вещественного доказательства.

2) В случае совершения хулиганских проступков, без применения оружия, гражданами, имеющими разрешения на право приобретения, хранения и пользования огнестрельным и холодным оружием от органов ОГПУ, органы милиции одновременно с привлечением таковых граждан к ответственности в судебном или административном порядке, ставят перед органами ОГПУ по месту жительства названных граждан вопрос об аннулировании данных им разрешений на право приобретения, хранения и пользования оружием.

3) В случае же совершения хулиганских проступков без применения оружия гражданами, имеющими от административных органов разрешения на право приобретения, хранения и пользования охотничьим огнестрельным нарезным и спортивным оружием или (в охотничьих промысловых районах) удостоверения о регистрации этого оружия в порядке инструкции НКВД 1925 г. № 596 (Бюлл. НКВД 1925 г. № 44) и изданной в отмену ее инструкции НКВД 1928 г. за № 153 «о торговле охотничьим оружием, огнеприпасами к нему и фейерверками, о приобретении, хранении и пользовании охотничьим и спортивным оружием и огнеприпасами к нему и об отпуске взрывчатых веществ и детонирующих средств» (Бюлл. НКВД 1928 г. № 15), органы милиции отбирают такие разрешения и удостоверения и направляют их в подлежащие по месту жительства привлеченных к ответственности граждан областные (автономных областей), губернские, окружные или уездные административные отделы или районные административные отделы для разрешения вопроса об аннулировании выданных названным гражданам указанных выше разрешений и удостоверений.

4) При незначительном развитии в данной местности хулиганства и при признании целесообразности воспретить лицам, привлекавшимся к ответственности за хулиганство, хранить и пользоваться охотничьим огнестрельным нарезным и холодным оружием, начальники административных отделов и районных административных отделений входят в подлежащие исполнительные комитеты, не ниже окружных, с ходатайством об издании соответствующих по этому вопросу обязательных постановлений.

Примечание. К холодному оружию, хранение и пользование которым лицами, привлекавшимися к ответственности за хулиганство, может быть воспрещено обязательными постановлениями, надлежит относить, кроме холодного оружия, специально употребляемого при охоте, также кастеты и палки с вставляющимися в них лезвиями.

5) В случае аннулирования административными органами разрешений на право приобретения, хранения и пользования охотничьим огнестрельным нарезным и спортивным

оружием или удостоверений о регистрации такового оружия, выданных гражданам, привлекавшимся к ответственности за хулиганство, органы милиции, в порядке ст. 104 инструкции НКВД 1928 г. № 153, предупреждают названных лиц, с отбранием от них соответствующей подписки об обязанности их в месячный срок, а в охотничьих промысловых районах в шестимесячный, передать или продать имеющееся у них оружие и о передаче его или продаже его сообщить, кому такое оружие передано или продано; в случае же невыполнения этой обязанности, привлекают их к ответственности в порядке п. «в» ст. 118 указанной инструкции.

6) В случае обнаружения у граждан, привлекавшихся к ответственности за хулиганство, оружия без получения соответствующего разрешения или оружия, не зарегистрированного в административных органах, когда получение указанного разрешения или регистрация оружия установлены действующими на этот предмет правилами, а равно в случае обнаружения охотничьего огнестрельного нарезного и холодного оружия у граждан, которым воспрещено хранить и пользоваться этим оружием соответствующими обязательными постановлениями (ст. 4-я), органы милиции, одновременно с привлечением указанных граждан к ответственности за хулиганство, возбуждают вопрос об ответственности их за незаконное хранение и пользование оружием в судебном или административном порядке.

4) Выдача разрешений на охотничье огнестрельное нарезное и спортивное оружие, а также (в охотничьих промысловых районах) удостоверений о регистрации названного оружия гражданам, привлекавшимся к ответственности за хулиганство, должна производиться административными органами с особой осторожностью, по обсуждению в каждом отдельном случае вопроса о возможности предоставления названным гражданам права пользования оружием.

8) С изданием настоящей инструкции отменяются ст.ст. 11, 12, 13 и 14 инструкции НКВД и НКЮ 1927 г. № 42/27 по борьбе с хулиганством (Бюлл. НКВД 1927 г. № 5).

Народный Комиссар Внутренних Дел Толмачев.

Народный Комиссар Юстиции Янсон.

1/7 июня 1928 г.

Циркуляр № 85.

Краевым, губернским и областным судам и прокурорам.

Согласовано с Бюджетным Управлением и Госуд. Финансовым Контролем НКФ РСФСР 6 июня 1928 года.

О порядке выплаты разницы в связи с командированием на ВЮК.

Согласно постановления СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г. (Собр. Узак. 1923 г. № 1, ст. 9, п. 4) за семьями лиц, командированных на Высшие Юридические Курсы, сохраняется оклад по последней должности, которую курсант занимал в момент командирования.

В связи с проведением с 1 апреля 1928 года госнормирования зарплат с мест поступают запросы, каким порядком, в каком размере и из каких средств надлежит выплачивать разницу в том случае, если должности командированных на ВЮК председателей, прокуроров и их заместителей фактически замещаются другими ниже оплачиваемыми работниками.

Народный Комиссариат Юстиции раз'ясняет, что командированных на ВЮК председателей судов, прокуроров и их заместителей следует оплачивать из основного фонда зарплаты; разницу же до их оклада лицам, замещающим их с ниже оплачиваемыми должностными окладами, надлежит выплачивать по особой ведомости из остатков кредита на зарплату, полученных от некомплекта, и из экономии средств, получаемых от заболевших сотрудников, передаваемых на пособие страхкасс.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор

Республики Янсон.

Член Коллегии НКЮ Алимов.

9 июня 1928 г.

Раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

Из протокола № 7 заседания Пленума Верховсуда РСФСР от 2 апреля 1928 г.

78 (п. 4). О раз'яснении понятия полного возмещения вреда по 3-й ч. 413 ст. ГК.

(Предложение Председателя Верховсуда по делу Ленинградского окружного суда по иску Войсят к Правлению Октябрьской ж. д. о взыскании за увечье).

Обстоятельства дела:

Вопрос этот возник в связи с делом Ленинградского окружного суда по иску Войсят к Правлению Октябрьской ж. д. о взыскании вознаграждения за увечье. Обстоятельства этого дела заключаются в следующем: при крушении поезда 5 февраля 1926 г. гр-н Войсят получил увечье с утратой 35% трудоспособности (ожоги рук и ног и травматический невроз). Гр-н Войсят до увечья работал в акционерном о-ве «Мясо» в качестве торгового агента, получая твердое вознаграждение в размере 81 руб. ежемесячно и плюс проценты с оборота. Вместе с процентами заработок гр-на Войсят за 3 предшествующих увечью месяца выражался в среднем в сумме 334 руб. 80 к. ежемесячно. После увечья гр-н Войсят оставался на работе в том же акционерном о-ве «Мясо», но должность переменил и стал получать ежемесячно твердую ставку по 144 р. 50 к. без процентного вознаграждения.

Обстоятельствами дела было установлено, что Войсят был застрахован и страховые платежи вносились администрацией из расчета всей суммы его заработка вместе с процентным вознаграждением, почему после увечья страховая касса стала выплачивать ему одну треть заработка, т.-е. по 111 руб. 60 к. в месяц. Таким образом, гр-н Войсят после получения увечья стал получать 144 р. 50 к. по новой должности плюс 111 р. 60 к. пособия из страхкассы, в то время как твердый его заработок до увечья без процентного вознаграждения не превышал 82 р. Однако, считая, что он неполностью «компенсирован» за полученное увечье, гр-н Войсят пред'явил иск к правлению Октябрьской ж. д. о выплате ему дополнительного вознаграждения в размере 77 р. 70 к. ежемесячно, и, кроме того, за порчу одежды, имущества и пр. во время крушения поезда 605 р. 60 к., расходы за лечение 1.210 р. 58 к. и т. п. Страхкасса в свою очередь пред'явила регрессный иск к железной дороге о взыскании выплачиваемых ею гр. Войсят пенсий.

Первоначальным решением от 16 мая 1927 года Ленинградский губсуд постановил: взыскать в пользу Войсят 1.227 р. 95 к. единовременно (за испорченные вещи и т. п.), в остальном иске отказал. Регрессный иск страхкассы был удовлетворен в размере 77 р. 70 к. ежемесячно, при чем в своих мотивах Ленинградский губсуд указал, что иск страхкассы является преувеличенным в силу того, что Октябрьская ж. д. в порядке регресса обязана возместить лишь только действительный вред в размере 35% потери трудоспособности и не обязана возмещать полностью все платежи, уплачиваемые страхкассой сверх этого.

Решение это было отменено ГKK Верховсуда и дело передано на новое рассмотрение, главным образом, потому, что размер пенсий, выплачиваемых соцстрахом, судебному опариванию не подлежит, почему суд не вправе был перерешать этот вопрос и должен был признать ту сумму, которую страхкасса фактически выплатила Войситу.

При вторичном решении дела губсуд дополнительно взыскал еще с железной дороги в пользу Войсят 980 р. 34 к. как разницу в зарплате до момента назначения пенсий страхкассой, и, кроме того, взыскал в пользу Войсят по 5 р. 56 к. ежемесячно дополнительного вознаграждения, а иск страхкассы удовлетворил в полном объеме.

По кассационной жалобе ответчика дело вновь поступило в ГKK Верховсуда. Для раз'яснения общего вопроса дело было внесено в Пленум Верховсуда.

Постановили:

Из проходящих через Верховсуд дел видно, что у судов нет единой практики по толкованию понятия «полного возмещения вреда» по 3 ч. 413 ст. ГК.

По нашему закону вознаграждение при увечьи исходит из принципа социального страхования и согласно ст. 415 ГК лицо незастрахованное не может взыскивать от причинившего вред большего вознаграждения, чем получают рабочие и служащие. Этой статьей определено подчеркивается, что «полное возмещение вреда» вовсе не имеет в виду полного восстановления во всех случаях прежнего дохода потерпевшего. Напротив того, 2 ч. 415 ст. ГК прямо указывает, что потерпевшие нетрудящиеся приравниваются к соответствующим категориям рабочих и служащих по усмотрению суда, и они не вправе требовать возмещения своего прежнего дохода.

Но и в отношении служащих имеются случаи, когда доход потерпевшего к моменту увечья в значительной степени превышает нормальный трудовой заработок даже высоко-квалифицированных специалистов. Например, служащий сверх основного жалования получал комиссионное или процентное вознаграждение, во много раз превышающее основной заработок, или когда потерпевший до увечья работал по совместительству в нескольких местах, либо когда он сверх основной работы имел дополнительные заработки (литературный и т. п.).

Верховный Суд раз'ясняет, что суды при определении вознаграждения при увечьи должны принимать во внимание лишь действительный трудовой заработок потерпевшего к моменту получения увечья. При этом:

1) В случае, если заработок потерпевшего состоял из основного жалования, процентного или комиссионного вознаграждения, хотя и включенного в трудовой договор, суд на основании постановления Пленума Верховсуда от 5 июля 1926 года (пр. № 11, п. 10—«Суд. Пр.» 1927 г. № 13—14) должен обсудить вопрос, действительно ли является условие о процентном вознаграждении трудовым и подлежит ли оно включению в заработную плату потерпевшего или нет.

2) В случае, если потерпевший к моменту увечья дополнительно к основному заработку имел приработок вне предприятия или работал по совместительству в нескольких учреждениях, или имел дополнительный доход (литературный и т. п.), суд при исчислении заработка принимает во внимание лишь заработок потерпевшего по основной работе в пределах нормального рабочего дня. Дополнительные же заработки, как-то: литературный, приработок вне предприятия и по совместительству в нескольких учреждениях, по общему правилу, во внимание не принимаются, поскольку возмещение вреда в пределах трудового заработка определяется по основной работе за нормальный рабочий день, остальные же заработки, как случайные, не могут приниматься во внимание.

В связи с этим раз'яснением отменить определения ГKK Верховсуда по настоящему делу и дело передать на новое рассмотрение ГKK Верховсуда того же или иного состава, предложив ГKK Верховсуда возбудить вопрос перед органами соцстраха о пересмотре размера пенсии, определенной гр-ну Войситу.

79 (п. 5). О спорах в отношении распределения сумм, поступающих к судебному исполнителю.

Раз'яснить:

1) Что действия судебного исполнителя по распределению поступивших к нему сумм, в том числе и действия его по оплате хранения описанного имущества, могут быть рассмотрены судом при возникновении споров, либо в порядке рассмотрения жалоб на действия судебного исполнителя, либо в порядке раз'яснения судебного решения. Но эти вопросы не могут рассматриваться в порядке самостоятельного иска, ибо все вопросы, возникающие при исполнении решения, должны решаться в том же деле.

2) Усматривая из практики, что у судов нет единой линии по вопросу о порядке разрешения споров по распределению 25% отчисления от сборов за исполнительные действия, раз'яснить, что эти суммы распределяются на основании существующих циркуляров НКЮ, при чем в виду того, что 25% отчисления от сборов за исполнительные действия поступают не в пользу отдельных судебных исполнителей, производивших то или иное исполнительное действие, а в общий фонд и распределяются, как премияль-

ные, по специальным директивам НКЮ, признать, что жалобы отдельных судебных исполнителей на неправильное распределение 25% отчислений судебному рассмотрению не подлежат и разрешаются в административном порядке по линии НКЮ.

80 (п. 6). О раз'яснении применения п. «а» ст. 187 ГПК.

Постановили:

Согласно п. «а» ст. 187 ГПК решения судов по искам о зарплате подлежат немедленному исполнению. Этот закон исходит из исключительного положения этих исков, особо защищаемых нашим законом, а также из того, что трудящиеся, отыскивая зарплату, никаких других средств к существованию не имеют и неисполнение решения до рассмотрения дела в кассационной инстанции ставит трудящихся в тяжелое положение. Это правило подлежит безусловному и точному исполнению. Но на практике наблюдаются случаи, когда к госорганам со стороны отдельных служащих по трудовым договорам предъявляются иски на большие суммы, например, иски о комиссионном и процентном вознаграждении. Согласно раз'яснения Пленума Верховного суда от 5 июля 1926 г. суд вправе установить, что то или иное условие о процентном или комиссионном вознаграждении, хотя и включенное в трудовой договор, не носит признаков трудового характера (какое право принадлежит и кассационной инстанции), но обратно взыскать уже полученные истцом деньги при отмене выполненного решения практически не представляется возможным.

В виду этого Пленум Верховного Суда раз'ясняет: решение суда о взыскании зарплаты подлежит обязательно немедленному исполнению. Но в тех лишь случаях, когда суд имеет перед собой дело, по которому одно лицо взыскивает с государства большие суммы по дополнительным условиям к трудовому договору, например, комиссионные, процентные и тому подобные вознаграждения,—суд вправе, исходя из обстоятельств дела, признать, что иск в целом или в части не является иском о зарплате, вследствие чего решение по данному делу не подлежит немедленному исполнению в полном объеме, при чем в решении должно быть указано, какая часть решения подлежит немедленному исполнению и какая часть решения должна быть исполнена лишь после рассмотрения дела в кассационной инстанции.

81 (п. 11). О возможности применения поражения прав в качестве самостоятельной меры социальной защиты.

Постановили:

По докладу НКЮ и НКВД о карательной политике была выявлена политика Рабоче-Крестьянского Правительства в том смысле, что суды в отношении социально-неустойчивых элементов, совершивших преступление случайно (впервые или вследствие стечения обстоятельств) и не являющихся социально опасными, должны применять в качестве меры социальной защиты, главным образом, меры, не связанные с лишением свободы.

Согласно 2 ч. ст. 23 УК основными мерами социальной защиты являются: объявление врагом трудящихся, лишение свободы и принудительные работы без лишения свободы; остальные меры социальной защиты, указанные в ст. 20 УК, кроме предостережения и конфискации имущества, могут быть назначаемы, как в качестве самостоятельных, так и в качестве дополнительных мер социальной защиты, и, следовательно, частичное поражение прав также может быть по общему смыслу УК применено и в качестве самостоятельной меры социальной защиты. Это положение также вытекает из сопоставления УК РСФСР с Основными началами уголовного законодательства Союза и союзных республик.

Лишение права занимать ответственные и выборные должности, как являющееся частичным поражением прав, а также предусмотренное п. «з» ст. 20 УК увольнение от должности с запрещением занятия той или иной должности,

также по смыслу 2 ч. 23 ст. УК может быть применено и как самостоятельная мера социальной защиты.

В виду этого Пленум Верховного Суда раз'ясняет: что суды вправе применять в качестве основных мер социальной защиты частичное поражение прав, в частности лишение активного и пассивного избирательного права на одну и более кампаний (в пределах пятилетнего срока), право занимать те или иные государственные должности, увольнение от должности и т. п., учитывая в каждом конкретном деле серьезность и наибольшую целесообразность применения той или иной меры социальной защиты.

82 (п. 15). Об ответственности за небрежное хранение чековых книжек.

(Предложение Председателя Верховного Суда по делу Кабардино-Балкарского облсуда по иску правления Треста Объединенной Промышленности к Кабардино-Балкарской Конторе Госбанка о 6.000 руб.).

Обстоятельства дела:

Сотрудник Кабардино-Балкарского Треста Объединенной Промышленности Туров, имея в своем распоряжении чековую книжку текущего счета Треста в Кабардино-Балкарской Конторе Государственного Банка, подделал чек и получил в Госбанке с текущего счета треста 6.000 руб. С присвоенными деньгами Туров скрылся, и против него было возбуждено уголовное преследование.

9 апреля 1927 г. Кабардино-Балкарский Трест Объединенной Промышленности предъявил в областной суд иск к областной конторе Государственного Банка о внесении на текущий счет истца выданной банком по подложному чеку суммы.

Материалами дела было установлено, о одной стороны, что истцом была проявлена недопустимая небрежность при хранении чековой книжки, и, с другой стороны, что выдача денег по подложному чеку произошла по вине сотрудников Госбанка, проявивших исключительную невнимательность и небрежность при выдаче денег по подложному чеку, ибо при более внимательном отношении к своим служебным обязанностям подложность чека была бы ими, несомненно, установлена. Тем не менее Кабардино-Балкарский облсуд, признав Госбанк исключительно ответственным за выдачу денег по подложному чеку, иск истца удовлетворил в полном объеме.

ГКК Верховного Суда, куда дело поступило по кассационной жалобе ответчика, решение это утвердила; исходя из того, что, поскольку суд установил, что выдача денег по подложному чеку произошла по вине Госбанка, суд вправе был отвергнуть смешанную ответственность и возложить ответственность за причиненный ущерб целиком на Госбанк.

Дело это было внесено Председателем Верховного Суда в Пленум Верховного Суда для общего раз'яснения вопроса об ответственности за небрежное хранение чековых книжек.

Постановили:

Принимая во внимание, что судебной практикой уже установлено, что за небрежное хранение чека отвечает владелец чековой книжки; что по настоящему делу подделка чека произошла вследствие небрежного хранения истцом чековой книжки, а выдача денег по подложному чеку имела место вследствие недопустимой небрежности со стороны служащего Госбанка; что в случаях, когда причинение ущерба имело место вследствие небрежности обеих сторон, ответственность за причиненный ущерб должны нести обе стороны, а размер ответственности каждой из сторон определяется судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела,—Пленум Верховного Суда постановляет: определение ГКК Верховного Суда от 17 декабря 1927 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение для разрешения в соответствии с настоящим раз'яснением.

Ответственный Редактор Нар. Ком. Юст. Н. Янсон.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия { Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.